

Рабство

Уильям Эллери Ченнинг

S L A V E R Y .

BY

WILLIAM E. CHANNING.

BOSTON:
JAMES MUNROE AND COMPANY.

M DCCC XXXV.

Электронная книга проекта Гутенберга о рабстве

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Рабство

Автор: Уильям Эллери Ченнинг

Дата выхода: 23 января 2014 г. [Электронная книга № 44736]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Подготовлено Ларри Б. Харрисоном, Мартином Петтитом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РАБСТВО" ***

РАБСТВО

УИЛЬЯМ Э. ЧЕННИНГ

БОСТОН:
ДЖЕЙМС МАНРО И КОМПАНИЯ.

M DCCC XXXV.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1835 году компанией James
Munroe & Co. в канцелярии окружного суда Массачусетса.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "КЕМБРИДЖ ПРЕСС":
МЕТКАЛФ, ТОРРИ И БАЛЛУ.

Содержание.

	Страница
Введение	1
ГЛАВА I.	
Собственность	13
ГЛАВА II.	
Права	30
ГЛАВА III.	
Пояснения	54
ГЛАВА IV.	
Зло рабства	65
ГЛАВА V.	
Священное Писание	108
ГЛАВА VI.	
Средства устранения рабства	116
ГЛАВА VII.	
Аболиционизм	130
ГЛАВА VIII.	
Обязанности	149
Примечания	161

Введение.

Первый вопрос, который должно задать разумное существо, заключается не в том, что выгодно, а в том, что правильно. Долг должен быть первичным, выдающимся, наиболее заметным среди объектов человеческих мыслей и стремлений. Если мы отбросим его от его главенства, если мы будем исходить сначала из наших интересов, а затем из наших обязанностей, мы, несомненно, допустим ошибку. Мы никогда не сможем увидеть Правильное ясно и полно, если не поставим это на первое место. Никакое суждение не может быть справедливым или мудрым, кроме того, которое основано на убеждении в первостепенной ценности Долга. Это фундаментальная истина, высший закон разума; и разум, который не исходит из этого в своих исследованиях человеческих дел, обречен на большую, возможно, фатальную ошибку.

Право является высшим благом и включает в себя все другие блага. Стремясь к нему и придерживаясь его, мы обретаем наше истинное и единственное счастье. Любое процветание, не основанное на нем, построено на песке. Если человеческие дела контролируются, как мы

верим, Всемогущей Честностью и Беспристрастной Добротой, то надеяться на счастье от неправильных поступков так же безумно, как стремиться к здоровью и процветанию, бунтуя против законов природы, разбрасывая свое семя по океану или отравляя нашу обычную пищу. Есть только одно неизменное благо; и это верность Вечному Закону, начертанному в сердце, переписанному и переизданному в Слове Божьем.

Тот, кто возлагает эту веру на вечный закон справедливости, должен, конечно, рассматривать вопрос о рабстве в первую очередь как вопрос морали. Все остальные соображения не будут иметь для него большого значения по сравнению с его моральным характером и моральными влияниями. Следовательно, следующие замечания призваны помочь читателю составить справедливое моральное суждение о рабстве. Великие истины, неотъемлемые права, вечные обязанности - вот главные темы этого обсуждения. Бывают моменты, когда утверждение великих принципов - лучшая услуга, которую человек может оказать обществу. Настоящее - это момент сбивающего с толку возбуждения, когда умы людей бушуют и затемняются сильными страстями и ожесточенными конфликтами; а также момент поглощающей мирской суеты, когда моральный закон склоняется перед целесообразностью, а его высокие и строгие требования порицаются или отвергаются как метафизические абстракции или невыполнимые теории. В такое время года провозглашать великие принципы бесстрастно, в духе непритворной и всеобщей доброй воли, и глубоко и надолго запечатлевать их в умах людей - значит делать для мира больше, чем открывать богатейшие рудники или разрабатывать наиболее успешные политические схемы.

В последнее время нашу страну сотрясал вопрос о рабстве; и люди, в той мере, в какой они горячо переживали, думали поверхностно или почти не думали вообще; и мы видим результаты в странном отсутствии четко определенных принципов, в странной расплывчатости и непоследовательности мнений и в склонности к излишествах, которая присуща неуравновешенным умам. Толпа была призвана то созерцать ужасы рабства, то содрогаться от разорения и кровопролития, которые должны последовать за освобождением. Слово "Резня" прогремело по всей стране, вселяя ужас как в сильные, так и в нежные сердца и пробуждая негодование против всего, что, казалось бы, угрожает такому завершению. Следствием этого является то, что многие боятся любого обсуждения этой темы и, если не примирились с продолжением рабства, то, по крайней мере, верят, что у них нет обязанностей, которые нужно выполнять, нет свидетельств, которые нужно нести, нет влияния, которое нужно оказывать, нет чувств, которые нужно лелеять и распространять по отношению к этому злу. Что еще хуже, мнения, либо одобряющие, либо смягчающие это, выслушиваются практически без неодобрения. Ему идут на уступки, которые когда-то шокировали бы сообщество; в то время как нападать на него объявляется неразумным и опасным. Нельзя привести более веской причины для спокойного изложения его истинного характера, чем само это состояние общественного сознания. Сообщество не может пережить большего бедствия, чем потеря своих принципов. Возвышенные и чистые чувства - это жизнь и надежда народа. Никогда еще не было такой необходимости обсуждать рабство, как в этот момент, когда недавние события во многом выбили людей из колеи и затуманили их умы по этому поводу. Этот результат частично следует приписать необдуманной горячности тех, кто взял в свои руки заботу о рабе. Таким людям следует помнить, что недостаточно поддерживать доброе дело. Мы должны поддерживать его в духе, соответствующем его достоинству. Пусть никто не затрагивает великих интересов человечества, кто не стремится освятить себя для работы, очистив свое сердце от всякого гнева и немилосердия, кто не может надеяться, что он в какой-то мере крещен в духе всеобщей

любви. Даже сочувствие к обиженным и угнетенным может принести вред, будучи пристрастным, исключительным и вызывая горькое негодование. Я не говорю, в какой степени упадок духа свободы следует приписать предполагаемой сейчас причине. Результат очевиден, и тот, кто видит зло и оплакивает его, должен стремиться остановить его.

Рабство должно обсуждаться. Мы должны думать, чувствовать, говорить и писать об этом. Но что бы мы ни делали в связи с этим, это должно быть сделано с глубоким чувством ответственности и таким образом, чтобы не ставить под угрозу мир в рабовладельческих государствах. Общественное мнение по этому вопросу не было и не может быть выражено слишком сильно. Действительно, рабство по самой своей природе должно вызывать тревогу везде, где оно существует. Рабство и безопасность никоим образом не могут быть объединены. Но мы не можем, не должны опрометчиво и страстно увеличивать опасность. Подстрекать рабов к восстанию - это преступление, за которое никакое порицание и никакое наказание не могут быть слишком суровыми. Это означало бы вовлечь раба и хозяина в общую гибель. Недостаточно сказать, что Конституция нарушается любым действием, ставящим под угрозу рабовладельческую часть нашей страны. Более высокий закон, чем Конституция, запрещает это нечестивое вмешательство. Если бы наш национальный союз был распущен, мы должны были бы так же сурово, как мы это делаем сейчас, осуждать малейшее проявление склонности к разжиганию рабской войны. Более того, если бы свободные и рабовладельческие государства не только разделились, но и были вовлечены в жесточайшую вражду, первые заслужили бы отвращение всего мира и негодование Небес, если бы они прибегли к восстанию и резне как средству победы. Лучше было бы для нас подставить свою грудь под нож раба, чем вооружать его им против своего господина.

Мы можем сделать ему добро не личным, прямым воздействием на разум раба. Мы заботимся о свободных. Вместе со свободными мы должны отстаивать его дело. И это особенно наш долг, потому что мы обязали себя противостоять его усилиям по собственному освобождению. Мы позволяем ему ничего не делать для себя. Тем больше мы должны сделать для него. Наша физическая сила направлена против него в случае восстания. Тогда наша моральная сила должна быть направлена на его помощь. Его слабость, которую мы усиливаем, дает ему право на единственную помощь, которую мы можем себе позволить, на наше моральное сочувствие, на свободное и правдивое изложение его ошибок. Как у мужчин, как у христиан, как у граждан, у нас есть обязанности по отношению к рабу, а также к любому другому члену общества. В этом вопросе у нас нет свободы. Вечный Закон обязывает нас принимать сторону пострадавшего; и этот закон особенно обязателен, когда мы запрещаем ему поднимать руку в свою защиту.

Пусть никто не говорит, что мы ничего не можем сделать для раба. Мы можем многое. У нас есть сила, более могущественная, чем армии, сила истины, принципов, добродетели, права, религии, любви. У нас есть сила, которая растет с каждым развитием цивилизации, перед которой пала работорговля, которая смягчает жесточайший деспотизм, которая распространяет образование во всех слоях общества, которая несет христианство до краев земли, которая несет в себе залог разрушения каждого института, унижающего человечество. Кто может измерить силу христианской филантропии, просвещенной доброты, изливающейся в молитвах и убеждениях, из прессы и с кафедры, из уст и сердец преданных людей и все больше и больше объединяющей мудрых и добрых в деле их расы? Все другие силы могут потерпеть неудачу. Это должно восторжествовать. Это связано со всемогуществом Бога. Это сам Бог действует в сердцах своих детей. У него есть союзник в каждой совести, в груди каждого

человека, в самом беззаконнике. Этот дух только начал свою работу на земле. Оно все больше и больше дышит самим собой через литературу, образование, институты и общественное мнение. Рабство не может устоять перед ним. Великие моральные принципы, чистые и великодушные чувства не могут быть ограничены тем или иным местом. Они не могут быть изолированы территориальными рамками или местным законодательством. Они являются божественным вдохновением и связаны с вездесущностью их Автора. Осознанное, торжественное убеждение хороших людей во всем мире в том, что рабство является тяжким нарушением человеческой природы, даст о себе знать. Увеличивать эту моральную силу - долг каждого человека. Воплотить и выразить эту великую истину во власти каждого человека; и, таким образом, каждый человек может сделать что-то, чтобы разорвать рабские цепи.

Есть немало людей, которые из-за вульгарного образа мышления не могут интересоваться этим предметом. Поскольку раб - это деградировавшее существо, они считают рабство низкой темой и удивляются, как оно может привлекать внимание и сочувствие тех, кто может обсуждать или сочувствовать чему-либо другому. Истина заключается в том, что рабство, рассматриваемое только в философском свете, является темой, достойной высочайших умов. Оно затрагивает самые серьезные вопросы о природе человека и общества. Это подводит нас к проблемам, которые веками вызывали высочайшее понимание. Она призывает нас исследовать основание, природу и масштабы прав человека, различие между личностью и вещью, истинные отношения человека к человеку, обязательства сообщества перед каждым из своих членов, основания и законы собственности и, прежде всего, истинное достоинство и нерушимые притязания морального существа. Я осмелюсь сказать, что нет темы, которая сейчас волнует сообщество, которая могла бы сравниться по философскому достоинству с рабством; и все же для множества людей этот вопрос вызывает такое же презрение, как и сам раб. Многим кажется, что писатель унижает себя, когда прикасается к этому. Фальшиво утонченные люди, которым нужна интеллектуальная сила, чтобы понять это, объявляют это недостойным их внимания.

Но у этой темы есть нечто большее, чем философское достоинство. Она оказывает важное влияние на характер. Наш интерес к нему - это один из критериев, по которому должно оцениваться наше понимание отличительного духа христианства. Христианство - это проявление и насаждение Всеобщей Любви. Великое учение христианства состоит в том, что мы должны признавать и уважать человеческую природу во всех ее формах, в самых бедных, невежественных, падших. Мы должны смотреть ниже "плоти", на "дух". Духовное начало в человеке - это то, что дает ему право на наше братское отношение. Быть справедливым к этому - великое предписание нашей религии. Не обращать внимания на это из-за состояния или цвета кожи - значит нарушать великий христианский закон. У нас есть основания думать, что это один из замыслов Бога, определяющего огромное разнообразие человеческих условий, - подвергнуть испытанию и наиболее отчетливо выявить принцип любви. Мудро устроено, что человеческая природа не предстает перед нами в нескольких формах красоты, великолепия и внешней славы. Быть ослепленным и привлеченным ими не было бы признаком почтения к тому, что является внутренним и духовным в человеческой природе. Чтобы научить нас различать и любить это, нас вводят в общение с ближними, внешние обстоятельства жизни которых отталкивают. Распознавать нашу собственную духовную природу и образ Божий в этих смиренных формах, признавать братьями тех, кто хочет всех внешних различий, - это главный способ, которым мы должны проявлять дух Того, кто пришел воскресить падших и спасти заблудших. Таким образом, мы видим моральную важность вопроса о рабстве; в соответствии с нашим решением этого вопроса мы определяем наше понимание христианского закона. Тот,

кто не может увидеть брата, дитя Божье, человека, обладающего всеми правами человечества, под кожей темнее, чем у него самого, хочет видеть видение христианина. Он поклоняется Внешнему. Дух еще не открылся ему. Равнодушный взгляд на деградацию и несправедливость ближнего, обожженного более свирепым солнцем, доказывает, что мы чужды справедливости и любви в тех универсальных формах, которые характеризуют христианство. Величайшее из всех различий, единственное непреходящее, - это нравственная доброта, добродетель, религия. Внешние различия не могут увеличить достоинства этого. Богатств миров "недостаточно для всеожжения" на их алтаре. Существо, способное на это, наделено Богом серьезными притязаниями к своим ближним. Исключение миллионов таких существ из нашей симпатии из-за внешних недостатков доказывает, что, в чем бы еще мы их ни превосходили, мы не превосходим их в христианской добродетели.

Дух христианства, как я уже говорил, отличается Универсальностью. Это всеобщая справедливость. Оно уважает все права всех существ. Оно не терпит, чтобы с существом, каким бы неясным оно ни было, поступали несправедливо, не осуждая того, кто поступает несправедливо. Беспристрастный, бескомпромиссный, бесстрашный, он не защищает фаворитов, не ослеплен никакой властью, простирает свой щит над самыми слабыми, призывает самых могущественных на свою защиту и обращается к совести тоном, от которого самые могущественные дрогнули. Это также всеобщая любовь, охватывающая тех, кто рядом, и тех, кто далеко, высоких и низких, богатых и бедных, нисходящая к падшим и особенно привязывающая себя к тем, в ком попорчена человеческая природа. Таков дух христианства, и ничто, кроме озарения этим духом, не может подготовить нас к вынесению суждения о рабстве.

Эти замечания призваны показать, в каком духе следует подходить к рабству, и точку зрения, с которой оно будет рассматриваться в настоящем обсуждении. Мой план можно вкратце обрисовать.

1. Я покажу, что человеком нельзя справедливо владеть и использовать как Собственность.
2. Я покажу, что человек обладает священными и непогрешимыми правами, нарушением которых является рабство.
3. Я дам некоторые пояснения, чтобы предотвратить неправильное применение этих принципов.
4. Я расскажу о зле рабства.
5. Я рассмотрю аргумент, который, как считается, приводится в Священных Писаниях в пользу рабства.
6. Я выскажу несколько замечаний о способах его удаления.
7. Я выскажу несколько замечаний об аболиционизме.
8. В заключение я приведу несколько размышлений об обязанностях, присущих "таймс".

В первых двух разделах я предлагаю показать, что рабство - это большое зло, но я не собираюсь выносить приговор характеру рабовладельца. Эти две темы различны. Людей не всегда следует интерпретировать по их действиям или институтам. Одни и те же действия в разных обстоятельствах допускают и даже требуют совершенно разных конструкций. Я предлагаю это

замечание, чтобы к предмету можно было подходить без предубеждения или личных ссылок. Единственная цель - установить великие принципы. Их влияние на отдельных людей будет предметом отдельного рассмотрения.

ГЛАВА I.

СОБСТВЕННОСТЬ.

Рабовладелец претендует на раба как на свою Собственность. Сама идея раба состоит в том, что он принадлежит другому, что он обязан жить и трудиться для другого, быть орудием другого и делать чужую волю своим обычным законом, какой бы противоположной ни была его собственная. Им владеет другой и, конечно же, имеет право на его время и силу, право на плоды его труда, право давать ему задания без его согласия и определять вид и продолжительность его труда, право ограничивать его любыми рамками, право вымогать требуемую работу с помощью нашивок, право, одним словом, использовать его как инструмент, без контракта, против его воли и в нарушение его права распоряжаться собой или использовать свою власть для его же блага. "Раб, - гласит Кодекс Луизианы, - находится во власти хозяина, которому он принадлежит. Хозяин может продать его, распорядиться его личностью, его промышленностью, его трудом; он ничего не может делать, ничем не владеть и не приобретать ничего, кроме того, что должно принадлежать его хозяину". "Рабы должны рассматриваться, отбираться, пользоваться репутацией и приговариваться, - гласят законы Южной Каролины, - как личное имущество, находящееся в руках их хозяев, и собственность во всех смыслах этого слова". Таково рабство, притязание на человека как на собственность.

Теперь это требование собственности на человека совершенно ложно, безосновательно. Такого права человека в человеке существовать не может. Человеком нельзя владеть по справедливости. Удерживать его и обращаться с ним как с собственностью - значит причинять большое зло, брать на себя вину за угнетение.

Эту позицию трудно отстаивать из-за ее чрезмерной очевидности. Она слишком проста для доказательств. Защищать ее - все равно что пытаться подтвердить самоочевидную истину. Найти аргументы нелегко, потому что аргумент - это нечто более ясное, чем утверждение, которое должно быть поддержано. До человека, который, услышав о притязаниях на собственность в человеке, не видит и не чувствует отчетливо, что это жестокая узурпация, вряд ли можно дойти рассуждением, ибо трудно найти более ясные принципы, чем те, с отрицания которых он начинается. Однако я попытаюсь проиллюстрировать истину, которую я изложил.

1. Ясно, что, если один человек может удерживаться как собственность, то так может удерживаться и любой другой человек. Если в природе человека, в нашей общей природе нет ничего, что исключало бы и запрещало превращение того, кто обладает этим, в предмет собственности; если право свободных на свободу основано не на их существенных атрибутах как разумных и нравственных существ, а на определенных случайных обстоятельствах, в которые они попали; тогда каждое человеческое существо, при изменении обстоятельств,

может справедливо удерживаться и рассматриваться другим человеком как собственность. Если один человек может быть по праву обращен в рабство, то нет ни одного человека, на которого нельзя было бы наложить такую же цепь. Теперь пусть каждый читатель задаст себе этот простой вопрос: могу ли я быть по праву схвачен и превращен в предмет собственности; быть превращенным в пассивный инструмент чужой воли и удовольствия; быть подчиненным чужой безответственной власти; быть подвергнутым побоям по чужой воле; быть лишенным контроля и использования собственных конечностей и способностей для моего же блага? Разве человек, которого так спрашивают, сомневается, колеблется, оглядывается вокруг в поисках ответа? Разве ответ не дается немедленно, интуитивно, всем его внутренним существом? Разве в моей груди не зарождается решительное, безошибочное убеждение, что ни один другой мужчина не может приобрести у меня такого права? Разве мы не отвергаем с негодованием и ужасом мысль о том, что будем низведены до положения инструментов и движимого имущества по отношению к ближнему? Есть ли какая-либо моральная истина, более глубоко укоренившаяся в нас, чем то, что такая деградация была бы бесконечно неправильной? И если это впечатление иллюзорно, на какое единственное моральное убеждение мы можем положиться? Эта глубокая уверенность в том, что мы не можем по праву стать чьей-либо собственностью, не зависит ни от цвета нашей кожи, ни от места нашего рождения, ни от нашей силы, ни от богатства. Эти вещи не приходят нам в голову. Сознание нерушимых прав является частью нашего морального существа. Сознание нашей человечности включает в себя убеждение, что нами нельзя владеть как деревом или животным. Как люди, мы не можем быть справедливо превращены в рабов. Тогда ни один человек не может быть поработен по праву. Сбрасывая с себя ярмо невыразимого зла, мы осуждаем себя как беззаконников и угнетателей, возлагая его на любого, кто разделяет нашу природу. Нет необходимости спрашивать, не может ли человек из-за крайней вины утратить право, заложенное в нем природой, и быть справедливо наказанным рабством. По этому поводу преобладают грубые представления. Но обсуждение было бы чуждо данной теме. Мы сейчас говорим не о преступниках. Мы говорим о невинных людях, которые не дали нам никакой власти над собой из-за вины; и наше собственное сознание является доказательством того, что они не могут быть по праву захвачены как собственность ближним.

2. Человек не может быть схвачен и удерживаться как собственность, потому что у него есть Права. Каковы эти права, мало их или много, или все ли мужчины обладают одинаковыми правами, - это вопросы для будущего обсуждения. Все, что сейчас предполагается, - это то, что каждое человеческое существо имеет *некоторые* права. Эту истину нельзя отрицать, кроме как отрицая для части расы моральную природу, которая является надежной и единственной основой прав. Я полагаю, что эта истина никогда не оспаривалась. Это признается даже в самих кодексах рабского законодательства, которые, хотя и лишают человека свободы, подтверждают его право на жизнь и угрожают наказанием его убийце. Итак, я говорю, что существо, обладающее правами, не может быть справедливо признано собственностью; ибо это притязание на него фактически аннулирует все его права. Это лишает его всякой власти отстаивать их. Отстаивать их считается преступлением. Сама суть рабства заключается в том, чтобы отдать беззащитного человека в руки другого. Право, на которое претендует хозяин, приказывать, принуждать, сажать в тюрьму, хлестать плетью и наказывать раба по своему усмотрению, и особенно предотвращать малейшее сопротивление его воле, является фактическим отрицанием и подрывом всех прав жертвы его власти. Эти двое не могут устоять вместе. Можем ли мы сомневаться, кто из них должен пасть?

3. Другой аргумент против собственности можно найти в сущностном равенстве людей. Я знаю, что эта доктрина, столь почитаемая в глазах наших отцов, недавно была отвергнута.

Специалисты по вербальной логике сказали нам, что люди "рождаются равными" только в том смысле, что они одинаково рождены. Они спрашивали, все ли люди одинаково высоки, сильны или красивы; или же природа, подобно Прокрусту, сводит всех своих детей к одному стандарту интеллекта и добродетели. Подобными аргументами пытаются отринуть принцип равенства, на котором самые здравомыслящие моралисты воздвигли структуру общественного долга; и таким образом старые основы деспотической власти, которые, как думали наши отцы в своей простоте, они ниспровергли, снова закладываются их сыновьями.

Само собой разумеется, что среди людей существует неисчислимое разнообразие; но следует помнить, что они предназначены для того, чтобы связывать людей вместе, а не подчинять одного другому; предназначены для того, чтобы давать средства и поводы для взаимной помощи и продвигать вперед каждого и всех, так что благо всех одинаково подразумевается при таком распределении различных даров. Следует также помнить, что эти различия между людьми ничто по сравнению с атрибутами, в которых они сходятся, и именно это составляет их сущностное равенство. Все люди обладают одинаковой рациональной природой и одинаковой силой совести, и все они в равной степени созданы для неограниченного совершенствования этих божественных способностей и для счастья, которое можно обрести в их добродетельном использовании. Кто, постигающий эти дары, не видит, что разнообразие расы исчезает перед ними? Позвольте добавить, что естественные преимущества, отличающие одного человека от другого, даруются таким образом, чтобы уравнивать друг друга, и даруются независимо от ранга или положения в жизни. Тот, кто превосходит в чем-то одном, уступает в других. Даже гениальность, величайший дар, обнаруживается в сочетании со странными недостатками и часто ставит своих обладателей ниже обычных людей в образе жизни. Великая ученость часто ставится в позор материнским умом и острым здравым смыслом необразованных людей. Природа, действительно, не обращает внимания на рождение или условия, когда дарует свои милости. Самые благородные души иногда вырастают в самых темных сферах. Таким образом, люди равны; и среди этих равных кто может обосновать свое требование сделать других своей собственностью, своими орудиями, простыми инструментами своего личного интереса и удовлетворения? Позвольте этому утверждению начаться, и где оно закончится? Если кто-то может утверждать это, почему не все? Кто из этих участников той же рациональной и нравственной природы может утвердить свое право над другими, которое другие не могут установить над собой? Настаивает ли он на превосходстве в силе тела или разума? У кого из наснет превосходства в том или ином из этих дарований: уверен ли раб или ребенок рабыни, что он не может превзойти своего хозяина в интеллектуальной энергии или моральной ценности? Наделила ли природа различиями, которые ясно говорят нам, кто будет владельцем? а кем будут владеть? Кто из нас может без смущения поднять голову и сказать, что Бог написал там "Хозяин"? или кто может показать слово "Раб", выгравированное на лбу его брата? Равенство природы делает рабство неправильным, Печать природы не прикреплена ни к одному инструменту, с помощью которого передается собственность отдельного человека.

4. То, что человек не может справедливо удерживаться и использоваться как собственность, очевидно из самой природы собственности. Собственность - это исключительное, единственное право. Это исключает все притязания, кроме притязаний владельца: то, чем владеет один человек, не может принадлежать другому. Каковы же тогда последствия владения человеком как собственностью? Это очевидно. Он не может иметь никаких прав на себя. Его

конечности, по правде говоря, морально ему не принадлежат. Он не имеет права на свою собственную силу. Она принадлежит другому. Свою волю, интеллект и мускулы, все силы тела и разума, которые проявляются в труде, он обязан рассматривать как чужие. Итак, если и есть собственность в какой-либо вещи, то это собственность человека в его собственной личности, уме и силе. Все остальные права слабы, ничего не значат по сравнению с этим, и при отрицании этого отрицаются все права. Верно, что человек может лишиться в результате преступления своего права на использование своих конечностей, возможно, на конечности и даже на жизнь. Но сама идея конфискации подразумевает, что этим правом он обладал изначально. Это правда, что человек может по контракту предоставить другому ограниченное право на свою силу. Но он дает только потому, что обладает этим, и дает это по соображениям, которые он считает выгодными для себя; и предоставленное право немедленно прекращается при нарушении условий, на которых оно было предоставлено. Отрицать право человека на самого себя, на свои собственные конечности и способности, на свою энергию тела и разума - это абсурд, слишком грубый, чтобы его можно было опровергнуть чем-либо, кроме простого утверждения. И все же эта абсурдность связана с идеей о его принадлежности другому.

5. Мы имеем четкое признание принципа, изложенного сейчас, во всеобщем негодовании, возбуждаемом по отношению к человеку, который делает другого своим рабом. Наши законы не знают более тяжкого преступления, чем обращение человека в рабство. Украсть или купить африканца на его собственных берегах - это пиратство. Этим актом причиняется величайшее зло, нарушается самое священное право. Но если человеческое существо не может без бесконечной несправедливости быть захвачено как собственность, то оно не может без равной несправедливости удерживаться и использоваться как таковое. Неправильность первого захвата заключается в предназначении человека к будущему рабству, к преступному использованию его в качестве движимого имущества или скотины. Может ли само это использование, которое делает первоначальный захват огромным злом, постепенно стать невинным? Если раб получает чрезмерные увечья в первый момент надругательства, получает ли он меньшие травмы от того, что его крепко держат во второй или третий раз? Преобразует ли продолжительность неправильного, увеличение его продолжительности в правильное? Действительно, во многих случаях срок владения рассматривается как дающий право, если товар был приобретен незаконным путем. Но в этих случаях товары были такими, которые по праву могли быть присвоены для индивидуального использования. Создатель предназначил их для владения. Они выполняют свое назначение, переходя в руки исключительного владельца. Для законной собственности на вещь важно, чтобы вещь по своей природе могла быть законно присвоена. Если она изначально не может стать чьей-либо собственностью без преступления, она, безусловно, не может оставаться таковой без вины. Итак, основание, на котором осуждается захват африканца на его собственном берегу, заключается в том, что он Человек, который по своей природе имеет право быть свободным. Не должно ли, в таком случае, то же самое осуждение распространяться и на продолжение его ига? Более того. Почему продолжительность владения рассматривается законами как дающая право? Я отвечаю, из-за трудности определения первоначального собственника и из-за опасения нарушить порядок во всей собственности, перенеся расследование за пределы определенного времени. Предположим, однако, что предмет собственности имеет такую природу, что на нем могло бы быть имя истинного первоначального владельца, выбитое на нем яркими и неизгладимыми буквами. В этом случае все основания, на которых продолжительность владения исключает другие претензии, были бы несостоятельны. Владелец не был бы скрыт или поставлен под

сомнение по прошествии времени. Разве тот, кто должен был бы получить такую статью от грабителя или череды грабителей, не был бы причастен к их вине? Итак, истинный владелец человека становится очевидным для всех. Это Он Сам. Ни одно клеймо на рабе никогда не бросалось в глаза так сильно, как знак собственности, который Бог поставил на нем. Бог, создав его разумным и нравственным существом, наложил на него славную печать, которую не могут стереть все рабовладельческие законы и невольничьи рынки мира. Следовательно, никакое право не переходит к хозяину из-за длительности вреда, причиненного рабу.

6. Еще один аргумент против права собственности у человека может быть взят из очень очевидного принципа науки о морали. Это простая истина, общепризнанная всеми, что каждое право предполагает или влечет за собой соответствующее Обязательство. Таким образом, если человек имеет право на личность или полномочия другого человека, последний обязан отдать себя в собственность первому. Это его долг. Он обречен быть рабом; и связан не только христианским законом, который предписывает подчиняться ущербу, не только благоразумными соображениями или требованиями общественного порядка и мира; но связан потому, что другой имеет право Собственности, имеет Моральные притязания на него, так что он был бы виновен в нечестности, в грабеже, отказавшись от службы этому другому. Его долг - работать на своего хозяина, хотя всякое принуждение было снято; и, покинув его, он совершил бы преступление, отняв собственность другого человека, так же верно, как если бы он украл кошелек своего владельца. Теперь, разве мы не чувствуем мгновенно, можем ли мы не чувствовать, что это ложь? Связан ли раб таким образом морально? Когда африканца впервые доставили на эти берега, нарушил ли бы он торжественное обязательство, сбросив цепь и улетев обратно в свой родной дом? Разве он не был бы обязан воспользоваться драгоценной возможностью побега? Несет ли раб моральное обязательство ограничить себя, свою жену и детей в месте, где их союз в любой момент может быть насильственно расторгнут? Не должен ли он, если может, поставить себя и свою семью под опеку равных законов? Должны ли мы винить его за то, что он оставил свое ярмо? Разве мы не чувствуем, что в том же состоянии чувство долга ускорило бы наши стремительные шаги? Где же тогда обязательство, которое обязательно было бы наложено, если бы существовало право, на которое претендует учитель? Отсутствие обязательства доказывает отсутствие права. Требование необоснованно. Это жестокая несправедливость.

7. Теперь я перехожу к тому, что, по моему мнению, является главным аргументом против захвата и использования человека в качестве собственности. Он не может быть собственностью в глазах Бога и справедливости, потому что он Рациональное, Нравственное, Бессмертное Существо; потому что создан по образу Божьему и, следовательно, в высшем смысле его дитя; потому что создан для того, чтобы раскрывать Богоподобные способности и управлять собой в соответствии с Божественным Законом, начертанным в его сердце и переизданным в Слове Божьем. Вся его природа запрещает конфисковывать его как собственность. Из самой его природы следует, что таким образом конфисковать его - значит нанести оскорбление его Создателю и нанести серьезный социальный ущерб. В каждое человеческое существо Бог вдохнул бессмертный дух, более драгоценный, чем все внешнее творение. Ни один земной или небесный язык не может преувеличить ценность человека. Каким бы неясным ни было его состояние. Мысль, Разум, Совесть, способность к Добродетели, способность к христианской Любви, Бессмертная Судьба, тесная нравственная связь с Богом — вот атрибуты нашей общей человечности, которые сводят на нет все внешние различия и делают каждого человека невыразимо дорогим для его Создателя. Неважно, насколько невежественным он может быть.

Способность к Совершенствованию объединяет его с более образованными представителями его расы и делает доступными для него знания и счастье высших миров. Каждое человеческое существо несет в себе зародыш величайшей Идеи во вселенной, Идеи Бога; и раскрыть это - цель его существования. Каждое человеческое существо носит в своей груди элементы того Божественного, Вечного Закона, которому подчиняются высшие порядки творения. У него есть Идея Долга; и раскрывать, почитать, повиноваться этому - та самая цель, ради которой была дана жизнь. Каждое человеческое существо имеет представление о том, что подразумевается под этим словом "Истина"; то есть оно видит, пусть и смутно, великую цель Божественного и сотворенного разума и способно к постоянно расширяющемуся восприятию Истины. У каждого человека есть привязанности, которые могут быть очищены и расширены в Возвышенную Любовь. У него также есть Представление о Счастье и жажда его, которую невозможно утолить. Такова наша природа. Где бы мы ни видели человека, мы видим обладателя этих великих способностей. Создал ли Бог такое существо, чтобы им владели как деревом или животным? Как явно он был создан для того, чтобы упражнять, раскрывать, совершенствовать свои высшие силы, создан для нравственного, духовного блага! и как с ним поступают несправедливо, а его Создателю противостоят, когда его принуждают и превращают в инструмент для физического наслаждения другого человека!

Такое существо явно было создано для Самоцели. Он Личность, а не Вещь. Он Цель, а не просто Инструмент или Средство. Он был создан для собственной добродетели и счастья. Совместима ли эта цель с тем, что его держат и используют как движимое имущество? Принесение такого существа в жертву чужой воле, чужому настоящему, внешнему, плохо понимаемому благу - это величайшее насилие, которое может быть совершено по отношению к любому Божьему созданию. Это означает понизить его ранг во вселенной, сделать его средством, а не целью, изгнать его из духовной семьи Бога в жестокое стадо.

Очевидно, что такое существо было создано для подчинения внутреннему Закону. В этом суть нравственного существа. Он обладает, как частью своей натуры, и самой существенной частью, чувством Долга, который он должен почитать и которому должен следовать, вопреки всякому удовольствию или боли, любой вмешивающейся человеческой воле. Великая цель любого хорошего образования и дисциплины состоит в том, чтобы сделать человека Хозяином самого себя, побудить его действовать исходя из принципа, заложенного в его собственном разуме, побудить его выдвинуть собственное совершенство в качестве высшего закона и цели. И заключается ли эта высшая цель природы человека в том, чтобы примириться с полным подчинением чужой воле, внешней, подавляющей силе, которая не удовлетворяется ничем, кроме полного подчинения?

Цель такого существа, как мы описали, - очевидное Совершенствование. Итак, фундаментальный закон нашей природы заключается в том, что все наши силы направлены на совершенствование путем свободного приложения усилий. Действие - это непереносимое условие прогресса интеллекта, совести и сердца. Разве тогда не ясно, что человеческое существо не может без вреда принадлежать другому, который претендует, как собственник, на право подавлять способности своих рабов, отказывать им в средствах развития, держать их в пределах, необходимых для довольства цепями, закрывать каждый луч света и каждое великодушное чувство, которые могут помешать полному подчинению его воле?

Ни один человек, который всерьез задумывается о том, что такое природа человека и для чего она была создана, не может думать о предъявлении претензий к ближнему. Что? владеть духовным существом, существом, созданным для познания и поклонения Богу, и которое переживает солнце и звезды! Что! приковать к нашим низменным целям существо, созданное для истины и добродетели! Превратить в грубое орудие ту разумную природу, в которой зародилась Идея Долга и которая является более благородным прообразом Бога, чем все внешнее творение! Разве мы не должны были бы считать несправедливостью, которую не могло бы искупить никакое наказание, если бы одного из наших детей конфисковали как собственность и заставили кнутом трудиться? И неужели Божье дитя, более дорогое для него, чем единственный сын для родителя-человека, будет таким образом унижено? Во вселенной можно владеть всем остальным; но нравственное, рациональное существо не может быть собственностью. Солнцами и звездами можно владеть, но не низшим духом. Прикасайся к чему угодно, кроме этого. Не поднимай руку на разумное Божье потомство. Весь духовный мир взывает: "Воздержись!" Высшие разумные существа признают свою собственную природу, свои собственные права в самом скромном человеческом существе. Клянусь тем бесценным, бессмертным духом, который обитает в нем, тем подобием Бога, которое он носит, не втопчите его в пыль, не смешайте его с животным.

Таким образом, мы увидели, что человеческое существо не может по праву удерживаться и использоваться как собственность. Никакое законодательство, ни одно законодательство всех стран или миров, не могло бы сделать его таковым. Пусть это будет изложено как первая, фундаментальная истина. Давайте крепко держаться за это, как за самую священную, драгоценную истину. Давайте крепко удержим его вопреки всем обычаям, всем законам, всякому положению, богатству и власти. Пусть он будет вооружен всем авторитетом цивилизованного и христианского мира.

Я считал само собой разумеющимся, что ни один читатель не будет настолько лишен моральной проницательности и нравственного чувства, чтобы настаивать на том, что люди могут быть по праву схвачены и удерживаться как собственность, потому что так распорядились различные правительства. Что? Является ли человеческое законодательство мерилom справедливости? Должны ли законы Бога быть отменены законами человека? Может ли правительство не делать ничего плохого? Что такое история человеческих правительств, как не летопись ошибок? Насколько прогресс цивилизации заключается в замене варварских и деспотических законов справедливыми и гуманными? Правительство, действительно, установило рабство, а правительству индивид ни в коем случае не должен оказывать сопротивления. Но уголовное законодательство должно быть открыто и серьезно разоблачено. Несправедливость никогда не бывает столь ужасной и столь разлагающей, как когда она вооружена санкциями закона. Авторитет правительства, вместо того чтобы быть причиной молчания при несправедливости, является причиной протеста против несправедливости с безраздельной энергией аргументации, мольбы и торжественного увещания.

ГЛАВА II.

ПРАВА.

Теперь я перехожу ко второму разделу предмета. Я должен показать, что человек от природы получил священные, неотъемлемые Права, которые нарушаются рабством. Некоторые важные принципы, относящиеся к этой главе, были неизбежно предвосхищены в предыдущей; но они нуждаются в более полном изложении. Весь предмет прав нуждается в пересмотре. Спекуляции и рассуждения по этому поводу, которые в последнее время стали достоянием общественности, не только ложны, но и опасны для свободы, и существует сильная тенденция к пагубным взглядам. Права поставлены в зависимость от обстоятельств, так что можно легко выдвигать или создавать предлоги для их последовательного нарушения, пока не останется ни одного. Права человека были представлены как настолько измененные и ограниченные с приходом людей в социальное государство, что от них остались лишь тени. О них говорили как о поглощенных общественным благом, так что человек может быть невинно поработен, если того потребует общественное благо. Чтобы полностью устранить все эти ошибки, за которые я их допускаю, требуется более масштабная работа, чем нынешняя. Природа человека, его отношения к государству, пределы гражданского правления, элементы общественного блага и степень, в которой индивид должен быть отдан этому благу, — вот темы, которые затрагивает данная тема. Я не могу подробно останавливаться на них, но изложу то, что мне кажется великими и истинными принципами в отношении них. Я покажу, что человек обладает правами по самой своей природе, что это дары не общества, а Бога; что от них нельзя отказаться при вступлении в социальное государство; что их нельзя отнимать под предлогом общественного блага; что Личность никогда не должна приноситься в жертву Обществу; что Идея прав должна преобладать над всеми интересами государства.

Человек имеет права от природы. Склонность некоторых высмеивать абстрактные права, как будто все права неопределенны, изменчивы и признаются обществом, демонстрирует прискорбное невежество в отношении человеческой природы. Тот, кто понимает это, должен видеть в этом незыблемое основание прав. Это дары Творца, а не дарования общества. В порядке вещей они предшествуют обществу, лежат в его основе, определяют способность человека к этому и являются важнейшими объектами социальных институтов. Сознание прав - это не творение человеческого искусства, не общепринятое чувство, а неотъемлемая часть человеческой души.

Права Человека принадлежат ему как Нравственному Существу, как способному воспринимать моральные различия, как субъекту моральных обязательств. Как только он начинает осознавать свой Долг, возникает родственное сознание того, что он имеет Право делать то, что предписывает чувство долга, и что никакая чужая воля или сила не может воспрепятствовать его нравственному поступку без совершения преступления. Он чувствует, что чувство долга было дано ему как Закон, что оно делает его ответственным за себя, что осуществлять, раскрывать его и повиноваться ему - цель его существования, и что он имеет право осуществлять его и повиноваться ему без препятствий или противодействия. Сознание собственного достоинства, каким бы неясным оно ни было, также принадлежит этому

божественному принципу; и хотя он может хотеть, чтобы слова отдавали должное его мыслям, он чувствует, что внутри него есть то, что делает его по существу равным всем окружающим.

Чувство долга - источник прав человека. Другими словами, тот же внутренний принцип, который учит первому, свидетельствует и о последнем. Обязанности и Права должны сохраняться или рушиться вместе. Слишком часто их противопоставляли друг другу; но они неразрывно связаны друг с другом. Тот же самый внутренний принцип, который учит человека тому, что он обязан делать с другими, в равной степени и в то же самое мгновение учит тому, что другие обязаны делать с *ним*. Тот же самый голос, который запрещает ему причинять вред одному-единственному ближнему, запрещает каждому ближнему причинять *him*..... Его совесть, открывая нравственный закон, открывает закон не только для него самого, но говорит как Всеобщий Законодатель. У него есть интуитивное убеждение, что обязательства этого божественного кодекса давят на других так же сильно, как и на него самого. Этот принцип, который учит его, что он поддерживает братские отношения ко всем людям, учит его, что эти отношения взаимны, что они предъявляют нерушимые требования, а также налагают священные обязанности, и что то, чем он обязан членам этой огромной семьи, они должны ему в ответ. Таким образом, нравственная природа включает в себя права. Они входят в самую ее суть. Им учит тот самый голос, который предписывает долг. Соответственно, в природе человека нет более глубокого принципа, чем осознание своих прав. Это чувство так глубоко, так неискоренимо, что вековые притеснения нигде не заглушали его полностью.

Показав основу прав человека в природе человека, можно спросить, что же это такое. Возможно, они допускают не более точное определение, чем человеческие обязанности; ибо Духовное нельзя взвесить и измерить так же, как Материальное. Возможно, тщательная критика найдет недостатки в самом осторожном изложении из них; но они легко могут быть изложены языком, который неискушенный ум распознает как истину. Тома не могли бы воздать им должное; и все же, возможно, их можно охватить одним предложением. Все они могут заключаться в Праве, которое принадлежит каждому разумному существу, использовать свои силы для содействия собственному Счастью и Добродетели и других. Это великие цели его существования. Для этого были даны его силы, и этим он обязан их посвятить. Он обязан делать себя и других лучше и счастливее в соответствии со своими способностями. Его способность к этой работе - священное доверие от Бога, величайшее из всех доверий. Он должен ответить за растрату или злоупотребление этим доверием. Следовательно, он страдает от невыразимого зла, когда другие лишают его этого или запрещают использовать это для целей, для которых оно дано; когда силы, которые Бог дал для такого щедрого использования, ослабляются или уничтожаются другими, или насильно лишаются средств для их действия и роста. Поскольку каждый человек обязан использовать свои способности для собственного блага и блага других, на каждом лежит обязанность оставлять все свободным для достижения этой цели; и тот, кто уважает это обязательство, кто использует свои собственные, не вторгаясь в чужие силы или не препятствуя выполнению чужих обязанностей, имеет священное, неоспоримое право на то, чтобы все, с кем он может быть связан, не испытывали на себе никаких препятствий и невредимости. Вот великое, всеобъемлющее право человеческой природы. Каждый человек должен чтить это, должен отстаивать это для себя и для всех и должен торжественно свидетельствовать против любого нарушения этого закона, кем бы оно ни было совершено или перенесено.

Рассмотрев великое фундаментальное право, заложенное в природе человека, можно легко сделать вывод о конкретных правах. Каждый человек имеет право упражнять и укреплять свой интеллект или силу знания, ибо знание является необходимым условием успешных усилий для достижения любого блага; и тот, кто препятствует или подавляет интеллектуальную жизнь в другом человеке, причиняет тяжкое и непоправимое зло. Каждый человек имеет право исследовать свой долг и приспособляться к тому, что он узнает о нем. Каждый человек имеет право использовать средства, данные Богом и санкционированные добродетелью, для улучшения своего положения. Он имеет право на уважение в соответствии с его моральными качествами; право на то, чтобы его считали членом сообщества, к которому он принадлежит, и на защиту беспристрастных законов; и право на освобождение от принуждения, побоев и наказаний до тех пор, пока он уважает права других. Он имеет право на равноценное вознаграждение за свой труд. Он имеет право поддерживать семейные отношения, выполнять свои обязанности и наслаждаться счастьем, которое проистекает из верности в этих и других семейных отношениях. Таковы некоторые из прав человека; и если это так, то каким тяжким злом является рабство!

Возможно, ничто так не подорвало ощущение реальности и святости прав человека и не оправдало угнетение, как расплывчатые представления об изменении естественных прав человека с его вступлением в гражданское общество. Обычно говорят, что люди расстаются с частью этого, становясь сообществом, политическим органом; что правительство состоит из полномочий, переданных индивидом; и говорят: "Если можно отказаться от определенных прав и полномочий, почему нельзя отказаться от других? почему не все? Какой предел следует установить? Благо сообщества, которому отдана часть, может потребовать целого; и в этом благе объединены все частные права". Такова логика деспотизма. Мы огорчены тем, что это находит свое применение в республиках и что великие принципы свободы излагаются в виде абстракций и метафизических теорий, достаточно хороших для монастыря, но слишком утонченных для практической и реальной жизни.

Однако не следует столь аргументированно пренебрегать правами человека. Как мы видели, они принадлежат человеку как нравственному существу, и ничто не может лишить его их, кроме разрушения его природы. Они не должны быть отданы обществу в качестве добычи. Напротив, великая цель гражданского общества - обеспечить их безопасность. Великая цель правительства - подавлять все *неправильное*. Его высшая функция - защищать слабых от сильных, чтобы самое незаметное человеческое существо могло спокойно пользоваться своими правами. Странно, что институт, построенный на идее Прав, должен использоваться для того, чтобы расшатать эту идею, запутать наше моральное восприятие, освятить зло как средство общего блага.

Говорят, что при формировании гражданского общества индивид отказывается от части своих прав. Правильнее было бы сказать, что он применяет новые способы их обеспечения. Он соглашается, например, отказаться от самообороны, чтобы общественные силы могли более эффективно защищать его и всех остальных. Он соглашается передать свое дело судье или трибуналу, чтобы правосудие могло быть более беспристрастным и чтобы он и все остальные могли с большей уверенностью получить по заслугам. Он соглашается расстаться с частью своей собственности в порядке налогообложения, чтобы его собственная собственность и

собственность других лиц были в большей безопасности. Он подчиняется определенным ограничениям, чтобы он и другие могли пользоваться более длительной свободой. Он ожидает эквивалента тому, от чего отказывается, и настаивает на этом как на своем праве. Он обижен частичными законами, которые вынуждают его вносить вклад в государство сверх его пропорции, его возможностей и меры благ, которые он получает. Насколько абсурдно предполагать, что, соглашаясь на защиту со стороны государства и предоставляя ему средства, он отказывается от тех самых прав, которые были целью его присоединения к общественному договору!

Я охотно допускаю право государства устанавливать законы для своих членов; но это имеет пределы, которые становятся все более и более узкими по мере прогресса науки о морали. Государство в равной степени ограничено моральным законом, как и отдельные люди. Например, оно ни в коем случае не может и не должно приговаривать невинного человека к смерти или требовать от него бесчестной или преступной службы. Оно может требовать верности, но только на основании предоставляемой им защиты. Оно может взимать налоги, но только потому, что оно берет под свой щит всю собственность и все интересы. Оно может принимать законы, но только беспристрастные, рассчитанные на все, а не на немногих. Оно не должно специальным актом захватывать собственность самого скромного человека, не приравняв его к себе. Она должна рассматривать каждого человека, на которого она распространяет свою власть, как жизненно важную часть себя, как имеющего право на ее заботу и обеспечение свободы и счастья. Если в чрезвычайной ситуации ее безопасность, представляющая интересы всех и каждого, может потребовать наложения особых ограничений на одного или многих, она обязана ограничить эти ограничения именно тем пунктом, который предписывает ее безопасность, устранить необходимость в них как можно дальше и как можно быстрее, компенсировать специальной защитой, такой, которая лишает обычных средств самозащиты, и, в целом, уважать и обеспечивать свободу в тех самых действиях, которые на какое-то время ограничивают ее. Идея прав, я повторяю это, должна быть фундаментальной и высшей в гражданских институтах. Правительство становится помехой и бедствием по мере того, как оно приносит их в жертву многим или немногим. Правительство, я повторяю это, в равной степени связано с индивидом моральным законом. Идеи справедливости и Прямоты, о том, что причитается человеку от его ближних, о притязаниях каждого морального существа гораздо глубже и примитивнее, чем Гражданское устройство. Правительство отнюдь не порождает их, оно обязано им своей силой. Право старше человеческого закона. Закон должен быть его голосом. Оно должно основываться на принципе справедливости в человеческой душе и соответствовать ему, и его слабость объясняется не чем иным, как его столкновением с нашими нерушимыми моральными убеждениями.

Наиболее совершенным является то правительство, при котором политика наиболее полно подчинена Справедливости или при котором высшей и постоянной целью является обеспечение прав каждого человека. Это прекрасная идея свободного правительства, и ни одно правительство не является свободным иначе, как в той мере, в какой оно реализует это. Свободу не следует путать с общественными институтами. Представительное правительство может быть таким же деспотичным, как и абсолютная монархия. Поскольку оно попирает права, будь то многих или одного, это деспотизм. Суверенная власть, независимо от того, находится ли она в руках одной или нескольких человек, короля или конгресса, которая лишает одно человеческое существо иммунитетов и привилегий, дарованных ему Богом, до сих пор является тиранией. Главный аргумент в пользу представительных институтов состоит в том, что права

людей находятся в большей безопасности в их собственных руках и никогда не должны передаваться безответственной власти. Права, именно Права лежат в основе народного правительства; и когда это предает их, несправедливость усугубляется еще больше, чем когда они раздавлены деспотизмом.

И все же будет задан вопрос: "Разве общее благо не является высшим законом государства? Разве не справедливы все ограничения личности, которых это требует?" Когда права личности вступают с этим в противоречие, не должны ли они уступить? Не перестают ли они в самом деле быть правами? Не должно ли все уступить место Общему благу?" Я затронул этот вопрос в различных формах, потому что считаю его заслуживающим особого изучения. Общественная и частная мораль, свобода и безопасность наших национальных институтов в значительной степени зависят от удовлетворения требований "Общего блага". В монархиях Божественное Право королей поглотило всех остальных. В республиках Общему Благу угрожает то же самое зло. Это убежище для злоупотреблений и узурпации власти, для распутства государственных деятелей, для пороков партий, для несправедливости рабства. Рассматривая этот вопрос, я беру на себя риск повторить уже изложенные принципы; но это будет оправдано важностью установления истины. Является ли Всеобщее Благо, таким образом, высшим законом, которому все должно подчиняться?

Этот вопрос можно решить сразу, предложив другой. Предположим, Общественное благо требует, чтобы некоторое количество членов государства, независимо от того, насколько их мало, дали ложные показания или отказались от своей веры в Бога и добродетель. Будет ли аннулировано их право следовать совести и Богу? Будут ли они обречены на грех? Предположим, завоеватель угрожает государству гибелью, если только его члены не оскорбляют своих родителей и не запятнают себя преступлениями, против которых восстает природа? Должно ли Общественное благо преобладать над чистотой и нашими самыми святыми привязанностями? Разве мы все не чувствуем, что есть блага более высокие, чем даже безопасность государства? Что есть закон более высокий, чем закон самых могущественных империй? Что идея праведности глубже в природе человека, чем идея частного или общественного интереса? И что это должно влиять на все частные и общественные действия?

Высшим законом государства является не его безопасность, не его могущество, не его процветание, не его недостаток, не процветающее состояние сельского хозяйства, торговли и искусств. Эти цели, составляющие то, что обычно называют Общественным благом, действительно предлагаются и должны предлагаться в конституции и управлении государствами. Но есть высший закон, даже Добродетель, Прямота, Голос Совести, Воля Божья. Справедливость - большее благо, чем собственность, большее не постепени, а по натуре. Всеобщая благожелательность бесконечно выше процветания. Религия, любовь к Богу, стоит несравненно больше, чем все его внешние дары. Сообщество, чтобы обезопасить или возвеличить себя, никогда не должно отказываться от Правильного, Святого, Справедливого.

Нравственное Благо, Прямота во всех ее проявлениях, является Высшим Благом; под этим я не подразумеваю, что это самое надежное средство для безопасности и процветания государства. Так оно и есть, но это слишком низкая точка зрения. На это не следует смотреть как на Средство, Инструмент. Это высшая цель, и государства обязаны подчинять ей все свое законодательство, какой бы огромной ни была очевидная потеря процветания. Национальное

богатство - это не цель. Вся его ценность проистекает из национальной добродетели. Если оно накоплено алчностью, завоеваниями или любыми унижающими достоинство способами, или если оно сосредоточено в руках немногих, которых оно укрепляет, чтобы сокрушить многих, это проклятие. Национальное богатство является благословением только тогда, когда оно проистекает из разума и добродетели общества и представляет их, когда оно является плодом и выражением хороших привычек, уважения прав всех, беспристрастного и благотворного законодательства, когда оно дает импульс высшим способностям, а также повод и подстрекательство к справедливости и благотворительности. Не может быть большего бедствия для народа, чем процветание за счет преступлений. Никакой успех не может быть компенсацией за рану, нанесенную разуму нации отказом от Права как Высшего Закона.

Пусть народ ставит Процветание выше Нравственности, и более опасного конца нельзя предложить. Общественное процветание, Всеобщее благо, рассматриваемое само по себе или отдельно от морального закона, является чем-то расплывчатым, неурегулированным и неопределенным, и безошибочно будет истолковано эгоистичными и алчными людьми таким образом, чтобы обеспечить собственное возвышение. Его можно заставить принимать тысячи форм в соответствии с интересами и страстями мужчин. Это иллюстрируется историей каждого дня. Не возникает ни одной партии, которая не освящала бы все свои проекты по монополизации власти под предлогом Всеобщего блага. Нельзя предложить ни одной меры, какой бы разорительной она ни была, которая не могла бы служить тем или иным национальным интересам. Истина заключается в том, что в условиях неопределенности человеческих дел, неопределенности, проистекающей из бесконечных и очень тонких причин, действующих на сообщества, последствия ни в коей мере нельзя предсказать с уверенностью. Самые лучшие согласованные политические схемы часто терпят неудачу; в то время как опрометчивая и расточительная администрация может, благодаря неожиданному стечению обстоятельств, казаться, что она продвигает славу нации. В отношении средств национального процветания самые мудрые - слабые судьи. Например, нынешний быстрый рост этой страны, выводящий огромное количество людей за пределы религиозных институтов и образования, может привести к разрушению, в то время как люди ликуют от этого как от залога величия. Мы слишком близоруки, чтобы находить закон во внешних интересах. Для государств, как и для отдельных людей, Честность является Высшим Законом. Никогда не предполагалось, что Общественное благо, столь отделенное от этого, столь отличное от справедливости и почтения ко всем правам, должно быть понято и поставлено нашей целью. Государственные деятели работают в темноте, пока идея Справедливости не вознесется над целесообразностью или богатством. Горе тем людям, которые нашли бы свое процветание в неправде! Настало время, чтобы низменные принципы политики, которые правила веками, пали. Настало время, чтобы общественные интересы больше не поддерживали несправедливость и укрепляли правительство в том, что оно делает слабых своей добычей.

В этом обсуждении я использовал фразу "Общественное благо" в ее общепринятом значении как обозначающую безопасность и процветание государства. Почему его нельзя использовать в более широком смысле? Почему его нельзя использовать для понимания внутреннего и морального, а также внешнего добра? И почему первое нельзя понимать как несравненно более важный элемент общественного блага? Тогда, действительно, я согласился бы с утверждением, что Всеобщее благо является высшим законом. В таком толковании это подтверждало бы великие истины, которые я отстаивал. Это осудило бы причинение вреда самому скромному

человеку как национальное бедствие. Это призывало бы нас распространить на каждого человека средства улучшения его характера и судьбы.

Если замечания по этому разделу справедливы, то из этого следует, что благо отдельного человека важнее внешнего процветания государства. Первое не является расплывчатым и неурегулированным, как последнее, и относится к интересам более высокого порядка. Оно заключается в свободном проявлении и расширении способностей человека, особенно его высших способностей; в энергии его интеллекта, совести и добрых привязанностей; в здравом суждении; в обретении истины; в честном труде для себя и своей семьи; в любви к своему Создателю и подчинении своей собственной воли Божественному; в любви к своим ближним и радостном самопожертвовании ради их счастья; в дружбе; в чувствительности к прекрасному, будь то в природе или искусстве; в верности своим принципам; в моральном мужестве; в самоуважении; в понимании и отстаивании своих прав; в том, что такое любовь. и в христианской надежде на бессмертие. Таково благо Личности; более священный, возвышенный, непреходящий интерес, чем любое приобщение богатства или власти к государству. Пусть это не приносится в жертву им. В своих связях с сообществом он должен находить помощь в достижении этих целей своего бытия, а не быть прикованным этим к низшим интересам какого-либо ближнего.

Во все века Человек в той или иной форме был втоптан в грязь. В монархиях и аристократиях его приносили в жертву Одному или Немногим; кто, рассматривая правительство как семейную реликвию в своих семьях и думая о людях, созданных только для того, чтобы жить и умирать во славу народа, и не мечтал, что суверенная власть предназначена для того, чтобы защищать каждого человека без исключения от зла. В древних республиках Слава государства, особенно Завоевание, были целью, ради которой от индивида ожидали, что он принесет себя в жертву, и в продвижении которой нельзя было отказываться ни от какой жестокости, не уважались никакие права человека. Он был слит в великое целое, называемое Содружеством, которому вся его природа должна была быть принесена в жертву. Слава американского народа заключалась в том, что в своей Декларации независимости он отстаивал нерушимые права каждого человека. Они провозгласили, что все люди по сути равны и каждый рожден свободным. Они не отстаивали для себя, подобно грекам или римлянам, свободу, которую они горели желанием отнять у других государств. Они говорили от имени человечества, как представители прав самых слабых, но и самых могущественных представителей своей расы. Они опубликовали универсальные, вечные принципы, которые должны привести к освобождению каждого человека. Такова была их слава. Пусть идея Прав не стирается из умов их детей ложными представлениями об общественном благе. Пусть святость отдельного человека не забывается в лихорадочной погоне за собственностью. Гораздо важнее, чтобы Человек уважал себя и пользовался уважением других, чем чтобы богатства обоих миров накапливались на наших берегах. Национальное богатство - это не цель общества. Оно может существовать там, где большие классы находятся в депрессии и обижены. Оно может подорвать дух, институты и независимость нации. Это не может иметь ценности и надежного основания до тех пор, пока Верховенство прав Личности не станет первым догматом веры нации и пока благоговение перед ними не станет духом общественных деятелей.

Возможно, на все, что сейчас было сказано, будет дан ответ, что существует аргумент из опыта, который опровергает доктрины этого раздела. Можно сказать, что права человека, несмотря на то, что было сказано об их святости, существуют и должны уступать требованиям реальной

жизни, что в человеческих делах часто существует суровая необходимость, перед которой они преклоняются. Меня могут спросить, не случилось ли в истории народов обстоятельств, при которых строгость изложенных ныне принципов должна была быть ослаблена? Должны ли частные права не уступать место в периоды неминуемой опасности для государства? Меня могут спросить, не было ли иногда введение военного положения и диктатора оправдано и востребовано общественной опасностью, и не находились ли, конечно, права и свободы личности на усмотрении государства. В ответ я допускаю, что могут иметь место крайние случаи, при которых осуществление прав и свобод может быть приостановлено; но приостановлено только ради их окончательной и постоянной безопасности. В такие моменты, когда неистовая ярость многих или узурпация власти немногими нарушает отправление закона и угрожает собственности и жизни, общество, которому угрожает гибель, предпринимает инстинктивные судорожные усилия для собственного сохранения. Она обращается за защитой к безответственному диктатору. Но в этих случаях великая идея Прав преобладает среди их очевидного подрыва. Власть выше всех законов даруется только для того, чтобы восстановить империю закона. Деспотические ограничения вводятся только для того, чтобы спасти свободу от гибели. Все права связаны с безопасностью государства; и, следовательно, в упомянутых случаях безопасность государства становится высшим законом. Индивид вынужден на какое-то время отказаться от своей свободы ради спасения институтов, без которых свобода - всего лишь название. Утверждать на основании таких жертвоприношений, что он может навсегда остаться рабом, - такое же великое оскорбление разуму, как и человечеству. Можно добавить, что жертвы, которые могут быть потребованы ради безопасности, не являются обязанностью отдельного человека ради процветания государства. Великая цель гражданского общества состоит в обеспечении прав, а не в накоплении богатства; а сливать первое со вторым - значит превращать политический союз в деградацию и бедствие. Сообщество обязано взять права всех и каждого под свою опеку. Оно должно обосновать свое требование всеобщего повиновения, выполнив свое обещание всеобщей защиты. Он не должен приносить в жертву ни одного человека ради процветания остальных. Его законы должны быть созданы для всех, его суды открыты для всех. Она не может без чувства вины бросить кого-либо из своих членов на произвол частной власти, безответственной власти.

Таким образом, мы установили реальность и святость прав человека; и то, что рабство является их нарушением, слишком очевидно, чтобы нуждаться в каких-либо трудных доказательствах. Рабство нарушает не одно, а все; и нарушает их не случайно, а обязательно, систематически, по самой своей природе. Исходя из предположения, что раб является собственностью, это отменяет всякую защиту прав человека и повергает их в прах. Если бы было необходимо, я мог бы перечислить их и показать, как все они падают перед этой ужасной узурпацией; но нескольких замечаний будет достаточно.

Рабство лишает человека фундаментального права исследовать, консультироваться и искать свое собственное счастье. Его силы принадлежат другому, и для другого они должны быть использованы. Он не должен составлять никаких планов, участвовать ни в каких предприятиях, чтобы улучшить свое состояние. Какими бы ни были его способности, какими бы значительными ни были улучшения в его судьбе, чужая воля приковывает его на всю жизнь к такому же неизменному труду. Ему запрещено выполнять для себя или других работу, для которой Бог запечатлел в нем свой собственный образ и наделил его своими лучшими

дарами.— Опять же, раб лишен права приобретать собственность. Будучи собственностью самого себя, его заработок принадлежит другому. Он не может обладать ничем, кроме как по милости. В этом праве, от которого так сильно зависит развитие человеческих сил, в праве делать накопления, приобретать исключительные владения честным трудом, отказано. "Раб не может приобрести ничего, - говорится в одном из кодексов рабовладельцев, - кроме того, что должно принадлежать его хозяину"; и хотя это определение, вызывающее негодование свободных, может быть смягчено благосклонностью, дух его проникает в самую сущность рабства. — Опять же, раб лишен права на свою жену и детей. Они принадлежат другому и могут быть вырваны у него, все до единого, в любой момент по желанию его хозяина. — Опять же, раб лишен права на культуру своих рациональных способностей. В некоторых случаях закон лишает его образования, которое становится доступным для него благодаря усовершенствованиям общества и филантропии нашего времени. Ему не позволено трудиться, чтобы его дети могли получить лучшее образование, чем он сам. Ему отказано в самом священном праве человеческой природы - праве развивать свои лучшие способности. Даже если бы это было предоставлено, это было бы признано как одолжение и могло бы в любой момент быть отменено по капризной воле другого человека.— Опять же, раб лишен права на самооборону. Белый человек не причиняет ему никакого вреда, и он не может требовать возмещения ущерба от законов своей страны. Если накопленные оскорбления и неправота провоцируют его на малейшее возмездие, то это усилие по самозащите, допускаемое и одобряемое другими, является преступлением, за которое он должен понести страшное наказание.— Опять же, раб лишен права быть освобожденным от любого вреда, за исключением неправомерных действий. Его бьют кнутом те, кому он никогда не соглашался служить, и чьи притязания на него как на собственность мы рассматривали как узурпацию; и это право наказания, которое, если оно справедливо, должно осуществляться со страшной осторожностью, часто передается людям, в руках которых есть моральная уверенность в злоупотреблении им.

Я добавлю лишь еще один пример нарушения прав человека рабством. Раб фактически страдает от несправедливости грабежа, хотя и совершенно бессознательно со стороны тех, кто его совершает. Действительно, может быть принято считать, что, поскольку ему позволено ничем не владеть, он не может, по крайней мере, подвергнуться такого рода насилию. Но это неправда, что он ничем не владеет. В чем бы ему ни было отказано человеком, он унаследовал от природы самое ценное свойство, и то, из чего проистекает все остальное, я имею в виду его силу. Его труд принадлежит ему лично, благодаря дару того Бога, который укрепил его руку и дал ему разум и совесть, чтобы направлять их на благо себя и других. Ничто так не ценно, как сила тела и разума человека. Проявление этого в труде - великая основа и источник собственности на внешние вещи. Ценность предметов обращения измеряется трудом, затраченным на их производство. Для огромной массы людей во всех странах их сила или труд - это все их богатство. Ухватиться за это значило бы отнять у них все. По правде говоря, ни одно ограбление не сравнится с тем, которому обычно подвергаются рабыни. Отобрать силой все имущество человека, плод многолетнего труда, по всеобщему согласию было бы осуждено как величайшее зло; но что это такое по сравнению с захватом самого человека и присвоением в наше пользование конечностей, способностей, силы и труда, благодаря которым завоевывается и крепко удерживается вся собственность? Право собственности на внешние вещи - ничто по сравнению с нашим правом на самих себя. Если бы рабовладелец лишился своего состояния, он счел бы насилие незначительным по сравнению с тем, что он вытерпел бы, если бы его личность была схвачена и передана в качестве движимого имущества в чужое пользование.

Пусть не говорят, что раб получает эквивалент, что он сыт и одет и, следовательно, не ограблен. Предположим, что кто-то отнимает у нас ценное имущество и платит нам свою цену. Разве мы не должны считать себя ограбленными? Разве законы не объявляют захватчика грабителем? Согласуется ли с правом собственности то, что человек должен определять эквивалент того, что он берет у своего соседа? Следует ли особенно надеяться, что эквивалент, причитающийся рабочему, будет скрупулезно взвешен, когда он сам считается собственностью, а весь его заработок объявлен принадлежащим его хозяину? Таким серьезным нарушением прав человека является рабство!

В ответ на эти замечания можно сказать, что теория и практика рабства различаются; что правами раба не так беспричинно злоупотребляют, как можно было бы предположить из заявлений хозяина; что некоторые из его владений священны; что немало рабовладельцев отказываются разводиться с мужем и женой, разлучать родителей и ребенка; и что во многих случаях сила наказания используется настолько неохотно, что поощряет дерзость и неподчинение. Все это я не склонен отрицать. Действительно, так и должно быть. Не в природе человека полностью упускать из виду права ближнего. Как бы мы ни унижали его, мы не можем полностью забыть о его притязаниях. В каждой рабовладельческой стране, несомненно, есть хозяева, которые желают и намерены уважать их в той степени, в какой позволяет природа отношений. Тем не менее, права человека отрицаются. Они полностью зависят от чьей-либо милости; и мы, должно быть, напрасно изучали историю, если нам нужно говорить, что они будут постоянно становиться добычей этой абсолютной власти. Зло, связанное с отрицанием и нарушением прав раба и проистекающее из этого, станет предметом следующей главы.

ГЛАВА III.

ПОЯСНЕНИЯ.

В предыдущих разделах я попытался показать, что рабство - это нарушение священных прав, причинение большого зла. И здесь возникает вопрос. Могут спросить, намереваюсь ли я, используя эти формулировки, возложить на рабовладельца обвинение в особой вине. В этом вопросе большая ясность является моим долгом. Сочувствие к рабу часто вырождалось в несправедливость по отношению к хозяину. Таким образом, я хочу, чтобы было понятно, что, причисляя рабство к величайшим злам, я говорю об ущербе, нанесенном рабу, а не о характере хозяина. Это разные моменты. Первое не определяет второе. Зло одинаково для раба, из каких бы побуждений или духа оно ни было причинено. Но этот мотив или дух полностью определяет характер того, кто его причиняет. Из того, что другому причиняется большой вред, не следует, что тот, кто это делает, является порочным человеком; ибо он может делать это бессознательно и, более того, может делать это в уверенности, что он приносит благо. Мы мало что узнали бы о науке морали и о природе человека, если бы не знали, что вину следует измерять не по

внешнему поступку, а по неверности совести; и что совесть людей часто затемнена образованием и другими неблагоприятными влияниями. У всех людей нечистая совесть или им не хватает понимания некоторых обязанностей. Все в какой-то мере разделяют ошибки общества, в котором они живут. Некоторых втягивает в моральные ошибки та самая сила, с которой действует совесть в отношении какого-то конкретного долга. Как интеллект, постигая одну истину, часто теряет хватку за другие и, отдаваясь одной идее, впадает в преувеличение, так и нравственное чувство, хватаясь за конкретное проявление филантропии, забывает другие обязанности и даже нарушает многие важные заповеди в своем страстном стремлении довести человека до совершенства. Можно привести бесчисленные примеры подверженности людей моральным ошибкам. Практика, которая приводит в ужас одного человека, может показаться другому, родившемуся и выросшему в ее среде, не только невинной, но и достойной уважения. Мы должны судить о других не в нашем свете, а в их собственном. Мы должны занять их место и подумать, на какое снисхождение мы в их положении могли бы справедливо рассчитывать. Наши предки на Севере были замешаны в работорговле. Некоторые из нас могут вспомнить представителей цветной расы, которые были вырваны из Африки и состарились под крышей наших родителей. Наши предки совершили деяние, ныне клейменное как пиратство. Были ли они, следовательно, окраиной земли? Разве некоторые из них не были одними из лучших в свое время? Управление религией почти во все прошлые века было нарушением священных прав совести. Сколько сект преследовали и проливали кровь! Были ли их члены, следовательно, чудовищами разврата? История нашей расы состоит из ошибок, многие из которых были совершены без малейшего подозрения об их истинном характере, а многие - из настоящего чувства долга. Человек, рожденный среди рабов, привыкший к этим отношениям с самого рождения, наученный их необходимости почитаемыми родителями, связывающий их со всеми, кого он почитает, и слишком знакомый с их злом, чтобы видеть и ощущать их масштабы, вряд ли он может ожидать, что посмотрит на рабство так, как оно представляется более беспристрастным и отстраненным наблюдателям? Пусть никто не говорит, что, когда ему предлагается новый свет, он преступно отвергает его. Все ли мы хотим получить новый свет? Можем ли мы удивляться, что такой человек медленно убеждается в преступности злоупотребления, разрешаемого по рецепту врача и которое настолько вплелось во все привычки, занятия и экономию жизни, что он с трудом может представить себе существование общества без этого всепроникающего элемента? Разве он не может быть верен своим убеждениям о долге в других отношениях, хотя и жестоко ошибается в этом? Если, действительно, из-за алчности и эгоизма он подавляет угрызения совести, искажает свои суждения и отталкивает свет, он навлекает на себя большую вину. Если он хочет, чтобы добродетель заставила его поступать правильно, хотя из-за потери каждого раба он навлекает на себя большую вину. Но кто из нас может заглянуть в его сердце? Кому раскрываются тамошние тайные разработки?

Еще больше. Есть хозяева, которые отбросили естественные предрассудки своего положения, которые видят рабство таким, каково оно есть, и которые удерживают раба главным образом, если не полностью, из бескорыстных соображений; и они заслуживают большой похвалы. Они выражают сожаление и отвращение к этому институту; но полагая, что частичная эмансипация в нынешнем состоянии общества принесла бы безусловное зло связанному и свободному, они считают себя обязанными продолжать отношения до тех пор, пока они не будут разорваны всеобъемлющими и систематическими мерами государства. Есть многие из них, которые так же сильно, как и мы, содрогнулись бы от порабощения свободного человека, но которые

ужасаются тому, что им кажется опасностями и трудностями освобождения множества людей, рожденных и воспитанных в таких условиях. Есть много людей, которые, номинально удерживая раба как собственность, все еще удерживают его для своего собственного блага и для общественного порядка и покраснели бы, если бы удерживали его на других основаниях. Следует ли причислять таких людей к беспринципным? Мне сказали, что этими замечаниями я оправдываю рабство? Я отвечаю: рабство по-прежнему остается тяжелым ярмом и лишает человека его самых дорогих прав, каким бы ни был характер хозяина. Рабство - не меньшее проклятие, потому что длительное использование, возможно, ослепило большинство тех, кто его поддерживает, к его злу. Его влияние все еще пагубно, хотя и добросовестно поддерживается. Абсолютная монархия по-прежнему остается бичом, хотя среди деспотов были и хорошие люди. Можно ненавидеть плохие институты и выступать против них, и все же воздерживаться от огульного осуждения тех, кто цепляется за них, и даже видеть в их рядах большую добродетель, чем в нас самих. Верно, и это следует с радостью признать, что в рабовладельческих государствах можно найти некоторые из величайших имен нашей истории и, что еще более важно, яркие примеры личной добродетели и христианской любви.

Однако в рабовладельческих сообществах существует, должен существовать большой класс, который не может быть слишком строго осужден. Мы опасаемся, что есть много, очень много людей, которые держат своих братьев в рабстве из эгоистичных, низменных побуждений. Они держат рабов ради выгоды, справедливо это или нет, их это не интересует. Они цепляются за него как за собственность и не верят в принципы, которые уменьшат богатство человека. Они держат его не для его собственного блага или безопасности государства, а с точно такими же взглядами, с какими они держат рабочую лошадь, то есть ради прибыли, которую они могут с него выжать. Они не услышат ни слова о его обидах, потому что, обиженный он или нет, они не отпустят его. Он - их собственность, и они не намерены бедствовать ради праведности. Такой класс, несомненно, есть среди рабовладельцев; насколько велика их собственная совесть, должно определять. Мы уверены в этом; ибо при таких обстоятельствах человеческая природа придет и должна прийти к такому печальному результату. Итак, к людям такого склада духа приведенные нами объяснения ни в какой степени не применимы. Такие люди должны трепетать перед упреками оскорбленной человечности и возмущенной добродетели. Рабство, поддерживаемое ради выгоды, является великим преступлением. Тот, кому нечего противопоставить эмансипации, кроме того, что она сделает его беднее, обречен на Немедленное Освобождение. У него нет оправдания тому, что он отнимает у своих братьев их права. Призывы к выгоде для раба и государства ему ничего не дают. Он вымогает плетью тот труд, на который у него нет прав, из-за низкого эгоизма. Каждый кусочек пищи, вырванный таким образом у раненого, должен быть горче желчи. Его золото покрыто язвами. Пот раба портит предметы роскоши, ради которых он льется. Лучше было бы для эгоистичного беззаконника, о котором я говорю, жить как раб, одеваться в одежду раба, есть грубую пищу раба, обрабатывать свои поля собственными руками, чем баловать себя днем и класть голову на постель ночью за счет бессмысленно обиженного ближнего. Ни один ближний не может быть так ранен, не совершив ужасной мести. Он страшно отомщен даже сейчас. Порча, падающая на душу беззаконника, опустошение его нравственной природы, является более страшным бедствием, чем то, которое он сам наносит. Заглушая свои нравственные чувства, он умирает для истинного счастья человека. Ожесточая свое сердце против своих братьев, он иссушает его для всякой истинной радости. Закрывая свое ухо от голоса справедливости, он отгораживается от всех гармоний вселенной и превращает голос Бога внутри себя в упрек.

Действительно, он может преуспевать и крепче удерживать раба, благодаря которому он преуспевает; но он заковывает в более тяжелые и позорные цепи свою собственную душу, чем налагает на других. Никакое наказание не так ужасно, как процветающая вина. Ни один дьявол, истощающий на нас всю свою силу пыток, не так ужасен, как угнетенный ближний. Крик угнетенных, неслышимый на земле, слышен на небесах. Бог справедлив, и если царит справедливость, то несправедливые должны ужасно страдать. Тогда ни одно существо не сможет извлечь выгоду из злодеяний. Тогда все законы вселенной станут предписаниями против чувства вины. Тогда каждое наслаждение, полученное в результате дурных поступков, превратится в проклятие. Никакие законы природы не являются столь непреодолимыми, как тот закон, который связывает вину и несчастье. Бог справедлив. Тогда все средства защиты, которые угнетатель возводит против последствий дурных поступков, тщетны, так же тщетны, как были бы его попытки остановить океан или смерч одной рукой. Он может обезоружить раба. Может ли он обезоружить Создателя этого раба? Он может подавить дух восстания в ближнем. Может ли он сокрушить ужасный дух справедливости и возмездия во Всемогущем? Он все еще может вызвать ропот недовольства в своей жертве. Может ли он заставить замолчать этот голос, звучащий громом и призванный нарушить сон могилы? Может ли он всегда утихомиривать порицающий, мстящий голос в своей собственной груди?

Я знаю, что скажут: "Ты хочешь сделать нас бедными". Тогда будь бедным и благодари Бога за свою честную бедность. Лучше быть бедным, чем несправедливым. Лучше просить милостыню, чем воровать. Лучше жить в богадельне, лучше умереть, чем растоптать ближнего и превратить его в животное ради эгоистичного удовлетворения. Что! Неужели нам еще предстоит усвоить, что "нам нет никакой пользы в том, чтобы приобрести весь мир и погубить свои души"?

Пусть никто не ответит с презрением, что мы, жители Севера, печально известные любовью к деньгам и склонные к эгоистичным расчетам, не те люди, которые призывают других отказаться от своего богатства. У меня нет никакого желания защищать Север. У нас, без сомнения, великое множество людей, которые, будь они рабовладельцами, скорее умерли бы, чем ослабили свою железную хватку, чем уступили свою собственность в людях правосудию и повелениям Бога. У нас есть те, кто будет бороться против отмены смертной казни, если из-за этой меры выгода от их сношений с Югом будет существенно снижена. Нынешнее волнение среди нас является, отчасти, проявлением меркантильных принципов. Но из-за того, что Север берется за руки с Югом, останется ли беззаконие безнаказанным? Может ли лига нечестивых, восстание миров, отменить вечный закон неба и земли? Пал ли Божий престол перед престолом Маммоны? Должен ли долг не иметь ни голоса, ни органа, потому что коррупция распространена повсеместно? Разве это не новый повод для торжественного предупреждения о том, что повсюду, на Севере и Юге, права человека ценятся так дешево по сравнению с мирскими выгодами?

ГЛАВА IV.

ЗЛО РАБСТВА.

Тема этого раздела болезненна и отталкивающа. Однако мы не должны отворачиваться от размышлений о человеческих страданиях и вине. Зло попущено Творцом, чтобы мы боролись с ним верой, надеждой и милосердием. Мы никогда не должны трепетать перед ним из-за его протяженности и продолжительности, никогда не должны чувствовать, что его сила больше, чем сила добра. Это призвано вызвать глубокое сочувствие к человеческой природе и неустанные жертвы ради человеческого искупления. Важная часть миссии каждого человека на земле состоит в том, чтобы бороться со злом в некоторых его формах; и есть некоторые виды зла, настолько зависящие от общественного мнения, что каждый человек, добросовестно оценивая и порицая их, делает что-то для их устранения. Давайте же не будем уклоняться от созерцания человеческих страданий. Даже сочувствие, если нам нечего больше предложить, является данью уважения, приемлемой для Всеобщего Отца. —В этой теме следует сознательно избегать преувеличений; и в то же время человечество требует, чтобы вся правда была честно высказана.

Говоря о зле рабства, я, конечно, говорю о его общих, а не универсальных последствиях, о его естественных тенденциях, а не о неизменных результатах. Между связанными существуют те же естественные различия, что и между свободными, и существует большое разнообразие обстоятельств, в которые они попадают. Домашний раб, выбранный за способности и верность, помещенный в среду привычек, удобств и усовершенствований цивилизованной жизни, допущенный к определенной степени доверия и фамильярности и отвечающий за эти привилегии привязанностью, почти обязательно более просвещен и респектабелен, чем полевой раб, который прикован к монотонному труду, а также к обществу и влиянию существ, столь же деградировавших, как и он сам. Механики этого класса получают ощутимую пользу от занятий, которые дают более высокую активность уму. Среди связанных, как и среди свободных, найдутся те, к кому природа кажется равнодушной и кто почти инстинктивно стремится к добру. Я говорю о естественном, общем влиянии рабства. Здесь, как и везде, есть исключения из правил, и исключения, которые множатся по мере морального совершенствования общества, в котором находится раб. Но это не определяет общий характер института. У него есть общие тенденции, заложенные в самой его природе, и которые значительно преобладают везде, где он существует. Раскрыть эти тенденции и есть моя нынешняя цель.

1. Первое место среди зол рабства должно быть отведено его моральному влиянию. Это повсеместное унижение. Этому учит обычный язык. Мы не можем сказать ничего более оскорбительного о другом человеке, чем то, что он раб. Обладать духом раба - значит опуститься до самых низких глубин. Мы не можем применить к рабству худшего названия, чем его собственное. Мужчины всегда инстинктивно уклонялись от этого состояния, как от самого деградированного. Ни одно наказание, кроме смерти, не было более страшным, и, чтобы избежать его, часто шли на смерть.

Выражая моральное влияние рабства, первое и наиболее очевидное замечание состоит в том, что оно разрушает надлежащее сознание и дух Человека. Раб, которого рассматривали и с которым обращались как с собственностью, покупали и продавали как животное, которому отказывали в правах человечности, которого не защищали от оскорблений, которого превратили в орудие и систематически подчиняли, чтобы ложь могла быть управляемым, полезным инструментом, как он может не считать себя павшим ниже своей расы? Как должен быть сокрушен его дух! Как он может уважать себя? Он становится раболепствующим. Это

слово, заимствованное из его положения, выражает разрушение, вызванное рабством внутри него. Мысль о том, что он был создан для собственной добродетели и счастья, едва ли приходит ему в голову. Быть инструментом физического, материального блага другого человека, чья воля является для него высшим законом, его учат считать великой целью своего существования. В этом заключается зло рабства. Его побои, тюремные заключения и даже ужасы среднего пути из Африки в Америку - все это нельзя назвать по сравнению с этим исчезновением надлежащего сознания человеческого существа, с деградацией человека в животное.

Можно сказать, что раб привык к своему ярму; что его чувствительность притуплена; что он без всякой боли или мысли принимает обращение, которое других людей довело бы до безумия. И к чему сводится это извинение? Оно фактически заявляет, что рабство сделало свое дело, угасило дух человечности, что Человек мертв внутри раба. Следовательно, в рабстве нет ничего плохого? Однако неправда, что эта работа по унижению совершается настолько эффективно, что гасит все чувства. Человек - слишком великое создание, чтобы быть полностью разрушенным человеком. Когда он кажется мертвым, он просто спит. Время от времени в тишине рабства раздается угрюмый ропот, свидетельствующий о том, что жизнь все еще бьется в душе, что идея Прав не может быть полностью изглажена из человеческого существа.

Было бы слишком болезненно, да и не нужно, подробно описывать процессы, с помощью которых в рабстве ломается дух. Я имею в виду только один из них - продажу рабов. Практика выставить ближних на продажу, устраивать рынки для людей, как для скота, исследовать конечности и мускулы мужчины и женщины, как у животного, пускать людей с молотка аукциониста и отдавать их, как и любые другие товары, тому, кто предложит самую высокую цену, - все это является таким оскорблением нашей общей природы и таким бесконечно унижительным для бедной жертвы, что трудно представить себе его существование, кроме как в варварской стране.

То, что рабство должно быть самым неблагоприятным для раба как морального существа, станет еще более очевидным, если мы примем во внимание, что его положение во всем является неправильным, и что, следовательно, оно должно иметь тенденцию нарушать все его представления о долге. Нарушение его собственных прав, к которому он приучен с рождения, должно внести путаницу в его представления обо всех правах человека. Он не может понять их; а если и понимает, то как он может уважать их, видя, что они, как и он сам, постоянно попираются в его собственной персоне? Травму, наносимую персонажу жизнью в атмосфере несправедливости, мы все можем понять. Жить в обществе, главным и всепроникающим элементом которого является несправедливость, - слишком суровое испытание для человеческой натуры, особенно когда не используются никакие средства для противодействия ее влиянию.

Соответственно, раб слабо осознает наиболее распространенные различия в морали. Уважение к собственности, этот фундаментальный закон гражданского общества, вряд ли может быть ему привито. Его нечестность вошла в поговорку. Кража у своего хозяина не считается для него преступлением. Как правило, система применения силы приводит к мошенничеству. Как неизбежно это будет результатом отношений, в которых сила используется для того, чтобы отнять у человека его труд, его естественную собственность, без попытки добиться его согласия! Можем ли мы удивляться, что необразованная совесть человека,

которому ежедневно причиняют зло, позволяет ему карать в меру своих сил? Таким образом, у раба подрывается главная социальная добродетель - справедливость.

Мы также должны ожидать, что раб предастся невоздержанности, распущенности и вообще чувственному излишеству. Обреченный жить ради физического удовлетворения других, не привыкший ни к каким удовольствиям, кроме чувственных, лишенный самоуважения и ничего не получающий в жизни, как можно ожидать, что он будет управлять собой? Как естественно, я почти сказал, неизбежно, он становится созданием ощущений, страсти, настоящего момента! Какую помощь будущее оказывает ему в противостоянии желанию? То лучшее состояние, ради которого другие люди откладывают тягу к аппетиту, никогда не открывается перед ним. Чувство характера, сила мнения, еще одно ограничение свободы, мало что могут сделать или вообще ничего не могут сделать, чтобы спасти столь презренный класс от излишеств и унижения. По правде говоря, власть над самим собой - это последняя добродетель, которую мы должны ожидать от раба, когда мы думаем о нем как о субъекте абсолютной власти, вынужденном пассивно подчиняться импульсу чужой воли. Он приучен к трусости, а трусость естественным образом связана с низкими пороками. Праздность, по его мнению, - рай, ибо он работает без надежды на вознаграждение. Таким образом, рабство лишает его моральной силы и готовит к тому, что он станет жертвой аппетита и страсти.

То, что раб в своем положении находит мало пищи для социальных добродетелей, мы легко поймем, если примем во внимание, что его главные отношения связаны с абсолютным хозяином и товарищами по его унижительному рабству, то есть с существом, которое причиняет ему зло, и с товарищами, которых он не может уважать, которых он считает униженными. Его зависимость от владельца ослабляет его связи со всеми другими существами. У него нет страны, которую он мог бы любить, нет семьи, которую он мог бы назвать своей, нет объектов общественной пользы, которые он мог бы поддерживать, нет импульса для щедрых усилий. Отношения, зависимости и ответственность, посредством которых Провидение формирует душу к глубокой, бескорыстной любви, почти вычеркнуты из его жизни. Произвольное правление, чуждая, непреодолимая воля, вырывающая его из его собственных рук и ставящая его вне естественного влияния общества, в значительной степени гасит чувство долга по отношению к нему самому и к человеческой семье вокруг него.

Влияние рабства на характер настолько разнообразно, что эту часть обсуждения можно было бы значительно расширить; но я коснусь только одной темы. Давайте на мгновение обратимся к великому Мотиву, заставляющему раба трудиться. Труд, в той или иной форме, предназначен Богом для совершенствования и счастья человека и поглощает главную часть человеческой жизни, так что побуждающий к нему Мотив оказывает огромное влияние на характер. Это во многом определяет, будет ли жизнь служить своей цели или потерпит неудачу. Человек, который работает из благородных побуждений, из семейных привязанностей, из желания условий, которые принесут ему большее счастье и полезность, находит в труде упражнение и укрепление добродетели. Поденщик, который мозолистыми руками в поте лица добывает грубую пищу для жены и детей, которых он любит, благодаря этому великодушному побуждению воспитывается в истинном достоинстве; и, хотя ему не хватает изысков жизни, он более благородное существо, чем те, кто считает, что богатство освобождает их от необходимости служить другим. Итак, труд раба не приносит достоинства, это не проявление добродетели, а сплошная деградация; так что одно из главных Божьих условий совершенствования человека становится проклятием. Мотив, из которого он действует, унижает его. Это Кнут. Это телесное

наказание. Это физическая боль, причиняемая ближним. Несомненно, труд для раба, как и для всех людей, смягчается привычкой. Но мотив не в этом. Уберите кнут, и он будет бездельничать. Его труд не приносит новых утешений ни жене, ни ребенку. Мотив, который его подстегивает, - это тот мотив, на который можно повлиять. Гражданское правительство действительно прибегает к побоям, когда никакие другие соображения не удерживают от преступления; но тот, кого столб для битья удерживает от дурных поступков, принадлежит к числу самых падших представителей своего народа. Работать под угрозой кнута - значит подвергаться постоянным оскорблениям и унижающему влиянию. Каждое движение конечностей, к которому побуждает такая угроза, является раной для души. Как, должно быть, трудно человеку, живущему под гнетом, уважать себя! Когда этот мотив заменяется всеми более благородными, предписанными Богом, не является ли это почти неизбежной смертью для лучших и возвышенных чувств нашей природы? Мужчине свойственно презирать боль по сравнению с позором, бесстрашно встречать ее в добрых делах, выполнять жизненную работу, руководствуясь другими побуждениями. Управлять кнутом - это часть животного. Считается, что даже животное действует под влиянием более благородных побуждений. Лошадь благородной породы не выдержит удара кнутом. Опустим ли мы человека ниже лошади?

Пусть никто не говорит, что удары наносятся редко. Пусть будет так. Мы рады это знать. Но дело не в этом. Теперь мы жалуемся не на силу причиненной боли, а на ее влияние на характер, когда она становится великим мотивом человеческого труда. Дело не в выносливости, а в страхе перед кнутом, в замене им естественных и благородных мотивов к действию, которые мы ненавидим и осуждаем. Не имеет значения, мало их или много. Удар, нанесенный одному-единственному рабу, - это полоса на душах всех, кто его видит или слышит. Он делает всех униженными, раболепствующими. Это не та рана, нанесенная плоти, на которую мы сейчас жалуемся. Нанесите шрам на спину, и вы ничего не сделаете по сравнению с тем злом, которое причинили душе. Вы либо ужалили эту душу адскими страстями, жадой мести; или, что, возможно, еще более обескураживающе, вы сломали и ожесточили ее. Человеческий дух погиб под вашими руками, насколько это может быть разрушено человеческой силой.

Я знаю, что в ответ на эти замечания иногда говорят, что все люди, так же как и рабы, действуют по необходимости; что у нас есть хозяева в голоде и жажде; что ни один человек не любит труд сам по себе; что страдания, которые причиняют нам законы природы, стихии и времена года, - это удары плетью, заставляющие нас выполнять нашу повседневную работу. Пусть будет так. И все же эти два случая существенно различаются. Необходимость, налагаемая на нас естественными потребностями, наиболее благоприятна по своему назначению. Оно предназначено для того, чтобы пробудить все наши способности, дать полную волю телу и уму и, таким образом, дать нам новое осознание сил, данных нам Богом. Мы, действительно, подчинены суровой природе; мы помещены среди воюющих стихий, палящего зноя, иссушающего холода, штормов, мора, болезней, смерти. И каков замысел? Призвать наши силы, возложить на нас великие обязанности, сделать нас более благородными существами. Мы помещены посреди воюющей природы не для того, чтобы уступать ей, не для того, чтобы быть ее рабами, но для того, чтобы покорить ее, сделать ее памятником нашего мастерства и силы, вооружиться ее элементами, ее теплом, ветрами, испарениями и минеральными сокровищами, найти в ее болезненных изменениях поводы и стимулы к изобретательности, мужеству, выносливости, взаимной и милой зависимости и религиозному доверию. Развитие

человеческой натуры, во всех ее силах и склонностях, является концом той суровой необходимости, которая возложена на нас природой. Это одно и то же с кнутом, наложенным на раба? Более того, таков замысел природы, что с помощью энергии, умения и самоотречения мы должны настолько предугадывать свои потребности или накапливать запасы, чтобы иметь возможность уменьшить нагрузку на руки и совмещать ее с более интеллектуальными и свободными занятиями. Природа не возлагает на нас неизменяемую задачу, но такую, которую мы все можем облегчить, честно, самоотверженно трудясь. Таким образом, она приглашает нас сбросить с себя ее ярмо и сделать ее нашей служанкой. Это приглашение, которое хозяин дает своим рабам? Является ли это его целью - пробудить силы тех, на кого он возлагает свое бремя, и дать им все большее господство над самим собой? Разве это не его цель - обуздать их волю, сломить их дух и навсегда заточить их на одну и ту же узкую и унижительную работу? О, да не будет осквернена природа, да не будет поругано ее родительское правление сравнением с ней рабовладельца!

2. Рассмотрев моральное влияние рабства, я перехожу к рассмотрению его интеллектуального влияния - еще одной важной теме. Бог дал нам интеллектуальную силу, чтобы ее развивать; а система, которая ее принижает и может поддерживаться только ее подавлением, противостоит одному из его самых благожелательных замыслов. Разум - это образ Бога в человеке, и способность постигать истину является одним из лучших источников его вдохновения. Развитие интеллекта является главной целью обстоятельств, в которые мы попали, связи ребенка с родителями и необходимости, возлагаемой на него в более взрослой жизни, обеспечивать себя и других. Воспитание интеллекта не ограничивается молодостью; но разнообразный опыт более поздних лет делает гораздо больше, чем книги и колледжи, для созревания и укрепления способностей.

Теперь вся судьба раба приспособлена к тому, чтобы удерживать свой разум в детстве и рабстве. Хотя он живет в стране света, лишь немногие лучи находят путь к его темному пониманию. Ни один из родителей не считает своим долгом наставлять его. Для него не предусмотрено учителя, а есть Водитель, который приучает его, почти в детстве, к рабской работе, которая должна заполнить его жизнь. Ни одна книга не открывается из-за его юношеского любопытства. По мере того, как он взрослеет, никакие новые волнения не заменяют учителей. Он не полагается на себя, не зависит от собственной энергии. Никакие волнующие призывы в жизни не пробуждают его дремлющие способности. Другие кормят и одевают его, как ребенка, направляют на каждом шагу, обреченный на всю жизнь на монотонный круговорот труда, он живет и умирает, не раскрывая своих сил, часто жестоко не сознавая своей духовной природы. И это еще не все. Когда благожелательность пытается приблизиться к нему с наставлением, она отталкивается. Ему не позволено учиться. Свет ревниво загораживается. Голос, который говорил бы с ним как с человеком, умолкает. Он не должен даже иметь возможности читать Слово Божье. Его бессмертный дух систематически подавляется.

Я знаю, говорят, что невежество раба необходимо для безопасности хозяина и спокойствия государства; и это сказано верно. Рабство и знание не могут сосуществовать. Просветить раба - значит разорвать его цепи. Чтобы сделать его безвредным, его нужно держать слепым. В просвещенный век его нельзя оставить читать, не подвергая опасности своего учителя; ибо что

он может прочесть такого, что не дало бы, по крайней мере, некоторого намека на его ошибки? Если бы его взгляд случайно упал на "Декларацию независимости", как бы ему открылась истина, "что все люди рождаются свободными и равными"! Все знания служат аргументами против рабства. Из каждого предмета вырвался бы свет, раскрывающий его неотъемлемые и нарушенные права. Само упражнение его интеллекта дало бы ему сознание того, что он создан для чего-то большего, чем раб. Я согласен с необходимостью, возложенной на его хозяина, держать его во тьме. И какой более сильный аргумент против рабства можно придумать? Это вынуждает хозяина систематически деградировать разум раба; вести войну против человеческого интеллекта; сопротивляться тому совершенствованию, которое является целью Создателя. "Горе тому, кто заберет ключ к знанию!" Убить тело - великое преступление. Дух, который мы не можем убить, но мы можем похоронить его в смертельной летаргии; и разве это легкое преступление в глазах его Создателя?

Пусть не говорят, что почти везде рабочие классы обречены на невежество, лишены средств обучения. Интеллектуальные преимущества трудящегося свободного человека, которому доверена забота о самом себе, поднимают его намного выше раба; и, соответственно, постоянно видно, что выдающиеся умы исходят из менее образованных классов. Кроме того, в свободных сообществах не запрещается заниматься филантропией для улучшения невежественных людей. Обязанность преуспевающих и просвещенных людей возвышать своих менее облагодетельствованных собратьев преподается, и преподается не напрасно. Благожелательность - это постоянные посягательства на область невежества и преступности. С другой стороны, в сообществах, проклятых рабством, половина населения, а иногда и больше, намеренно и систематически погружены в безнадежное невежество. Воспитывать эту массу в духе разума и самоуправления - преступление. Приговор о вечной деградации вынесен значительной части человеческой расы. С этой точки зрения, как велика зловещая пустыня рабства!

3. Теперь я перехожу к влиянию рабства на семью; и здесь мы должны увидеть мрачную картину. Рабство фактически растворяет семейные отношения. Это разрывает самые священные узы на земле. Это разрушает дом. Это разрывает самые лучшие чувства. Семейные отношения предшествуют и в нашем нынешнем существовании стоят больше, чем все другие наши социальные связи. Они дают сердцу первый толчок и открывают глубокие источники его любви. Дом - главная школа человеческой добродетели. Его обязанности, радости, печали, улыбки, слезы, надежды и заботы составляют главные интересы человеческой жизни. Куда бы ни шел человек, дом - это центр, к которому обращается его сердце. Мысль о доме успокаивает его руки и облегчает труд. К этому стремится его сердце, когда он далеко. Там он собирает свои лучшие сокровища. Бог предназначил для всех людей одинаково высшее земное счастье в обеспечении для всех домашнего очага. Но дом раба не заслуживает такого названия. Для него это не святилище. Он открыт для насилия, оскорбления, негодования. Его дети принадлежат другому, другой обеспечивает их, другой распоряжается ими. Он не должен нести самое драгоценное бремя, которое только может быть возложено на сердце, - счастье своего ребенка. Он живет не для своей семьи, а для чужого человека. Он не может улучшить их участь. Свою жену и дочь он не может защитить от оскорблений. Их могут оторвать от него по чьему-то желанию, продать как вьючных животных, отправить неизвестно куда, отправить туда, где он не сможет их достать, или даже обмениваться расспросами и посланиями любви. Для рабыни брак не имеет святости. Он может быть расторгнут в любой момент по желанию другого человека. Его жену, сына и дочь могут выпороть на его глазах, и ни один палец не должен быть поднят в их

защиту. Он видит шрамы от ударов плетью на своей жене и ребенке. Таким образом, дом раба оскверняется. Таким образом, самые нежные отношения, предназначенные Богом в равной степени для всех, и призванные стать главными источниками счастья и добродетели, разворачиваются беспричинно и жестоко. Какое оскорбление настолько велико, чтобы войти в дом человека и оторвать от него существа, которых Бог связал с ним самыми святыми узами? Каждый мужчина может разобраться в этом по-своему. Каждая мать может принять это близко к сердцу.

И пусть никто не говорит, что раб не обладает чувствами других людей. Природа слишком сильна даже для того, чтобы рабство могло победить. Даже у грубого животного есть стремление к родительской любви. Но предположим, что супружеские и родительские узы раба могут быть разорваны без всякой боли. Каким проклятием должно быть рабство, если оно может так отравлять сердце чем-то большим, чем просто грубая бесчувственность, если оно может низвести человеческую мать ниже белой медведицы, которая "воет и умирает за своего разлученного детеныша"! Но это не превращает и не может превратить раба в камень. Это оставляет, по крайней мере, достаточно чувств, чтобы превратить эти домашние обиды в повод для частых и глубоких страданий. Тем не менее, это должно многое сделать, чтобы подавить естественные привязанности. Может ли жена, попавшая под влияние, крайне враждебное женской чистоте и чести, подвергшаяся воздействию кнута, которую могут увезти по воле ее хозяина, и чья поддержка и покровительство не связаны с верностью мужа, может ли такая жена, если можно так ее назвать, быть любимой и почитаемой, как подобает женщине? Или можно ожидать любви, которая должна связывать воедино человека и его потомство, в рамках института, который в значительной степени подрывает сыновнюю зависимость, родительский авторитет и заботу? Рабство подрывает привязанность и счастье семьи в самом их корне, оскверняя женскую чистоту. Женщина, воспитанная в условиях деградации, находящаяся в чужой власти и распоряжении и никогда не наученная надеяться на счастье нерушимого, почетного брака, вряд ли может обладать чувствами и добродетелями своего пола. Порча обрушивается на нее в ранние годы. Те, у кого есть дочери, могут понять ее судьбу. По правде говоря, распущенность среди рабов и свободных - естественная причина всепоглощающего рабства. Семейное счастье гибнет от его прикосновения, как среди рабов, так и среди свободных.

Как замечательно, что в цивилизованных странах люди могут быть настолько закалены привычкой, что без угрызений совести вторгаются в мир, чистоту и священные отношения домашней жизни, чтобы разлучить тех, кого Бог соединил вместе, чтобы разрушить семьи методами более болезненными, чем смерть! И это делается ради материальной выгоды! Что! Могут ли мужчины, обладающие человеческими чувствами, разбогатеть на разорении семей? Мы слышали о некоторых Южных штатах, которые обогащаются, разводя рабов для продажи. Из всех разрешенных обществом занятий это самое отвратительное. Что?! Выращивать людей, как скот! Выращивайте человеческие семьи, как стада свиней, а затем рассеивайте их на все четыре стороны в поисках наживы! Среди проклятий, произносимых человеком в адрес человека, есть ли более страшное, более злое, чем вздох матери, лишенной своего ребенка из-за бесчувственной алчности? Если кровь взывает к Богу, то, несомненно, этот вздох будет услышан на небесах.

Пусть никто не говорит, что члены семей часто разлучаются при любых условиях жизни. Да, но разлучаются под влиянием любви. Муж оставляет жену и детей, чтобы обеспечить им

поддержку, и носит их с собой в своем сердце и надеждах. Моряк во время своей одинокой ночной вахты смотрит в сторону дома, и среди рева волн до него доносятся хорошо знакомые голоса. Родитель отсылает своих детей, но отсылает их для процветания и для того, чтобы снова прижать их к своему сердцу с радостью, усиленной разлукой. Таковы ли разлуки, которые порождает рабство? И может ли он, разбросавший другие семьи, просить Бога благословить свою собственную?

4. Я перехожу к другому важному взгляду на зло рабства. Рабство порождает жестокость и дает ей разрешение. Под этим не подразумевается, что жестокость является универсальным, привычным, неизменным результатом. Благодаря Богу, христианство пришло в мир не напрасно. Там, где оно не разрушило, оно смягчило плохие институты. Рабство в этой стране сильно отличается от рабства древних времен и от того, которое испанцы навязали аборигенам Южной Америки. Здесь наблюдается растущая склонность к умножению удобств рабов, и этому давайте радоваться. В то же время мы должны помнить, что в свете сегодняшнего дня и в стране, где понимают христианство и права людей, меньшая суровость может содержать в себе больше вины, чем жестокость более темных веков. Жестокость в ее более легких формах сейчас является большим преступлением, чем жестокие обычаи древности, от которых мы содрогаемся. "Во времена этого невежества Бог подмигивал, но *теперь* он повсюду призывает людей к покаянию". Следует также учитывать, что малейшая жестокость по отношению к рабу является отягчающим обстоятельством, потому что его несправедливо держат в рабстве, несправедливо удерживают как собственность. Мы осуждаем человека, который жестко отстаивает справедливые требования. Что же тогда мы должны думать о том, чтобы хлестать и травмировать ближних с целью поддержания несправедливой, узурпированной власти, о вымогательстве труда, который нам не принадлежит?

Я уже говорил, что жестокость не является привычкой рабовладельческих штатов этой страны. Тем не менее, мы не можем сомневаться в том, что она встречается часто. Сообщения, которые терзают наши души, приходят к нам оттуда; и мы знаем, что они должны быть по существу правильными, потому что невозможно, чтобы значительная часть, возможно, большинство населения страны было доведено до пассивного, неограниченного подчинения без примеров ужасной жестокости.

Пусть не говорят, как это иногда делается, что жестокие деяния совершаются повсюду, а также в странах рабства. Пусть это так; но во всех цивилизованных нациях, не затронутых рабством, главной целью законодательства является защита каждого человека от жестокости и привлечение к наказанию каждого человека, который бессмысленно мучает или ранит другого; в то время как рабство лишает свирепых сдержанности или позволяет им безнаказанно утолять свою ярость.—Пусть никто не скажет, что нигде на это варварство не смотрят с большим ужасом, чем на Юге. Пусть будет так. Они вызывают отвращение, но разрешены. Способность индивидов терзать своих собратьев дана им сообществом. Сообщество ненавидит злоупотребления, но наделяет властью, которой, несомненно, будут злоупотреблять, и, таким образом, лишает себя всякой защиты перед Всемогущим Правосудием. Оно должно ответить за преступления, которые прикрываются его законами.— Пусть никто не говорит, что эти жестокости сдерживаются частными интересами рабовладельца. Разве уважение к частным интересам спасает от жестокого обращения ломовую лошадь на наших улицах? И разве не может быть причинено огромное количество страданий, которые не подвергнут опасности жизнь или силу раба?

Чтобы обосновать обвинение в жестокости, я не буду, как уже сказал, обращаться к текущим сообщениям, какими бы достоверными они ни были. Я готов отклонить их все как ложные. Я придерживаюсь другой точки зрения. Отчеты могут лгать, но наш повседневный опыт познания человеческой природы не может лгать. Я не призываю свидетелей, или, скорее, я взываю к свидетелю, который присутствует везде, свидетель в каждом сердце. Кто из тех, кто наблюдал за своим сердцем или за другими, не чувствует, что мужчине нельзя доверять абсолютную, безответственную власть над людьми? Ею нужно злоупотреблять. Эгоистичные страсти и гордыня нашей природы будут так же верно злоупотреблять ею, как бушует шторм или океан вздувается и ревет под напором урагана. Такому невежественному, своевольному, страстному существу, как человек, не следует доверять это ужасное господство. Он не должен желать этого. Он должен бояться этого. Он должен отбросить это от себя, как наиболее опасное для себя и других.

Абсолютная власть предназначалась не для человека. Действительно, из этого правила есть исключение. Есть один случай, когда Бог отдает совершенно беззащитного человека в руки другого человека. Я имею в виду ребенка, который полностью подчинен воле родителя. Но обратите внимание, как тщательно, я бы даже сказал, с тревогой, Бог предусмотрел злоупотребление этой властью. Он вырастил в сердце родителя друга, опекуна, которому не может противостоять самый могущественный на земле. Он подготовил родителя к этому доверию, научив его любить своего ребенка больше, чем самого себя. Никакое красноречие на земле не действует так подкупающе, как стоны младенца, испытывающего боль. Нет награды слаще, чем улыбка этого младенца. Мы говорим, что Бог отдал младенца в руки родителя. Не могли бы мы точнее сказать, что Он отдал родителя во власть ребенка? Это маленькое существо отправляет своего отца на тяжелый труд и заставляет мать присматривать за ним днем, а ночью устремлять на него свои бессонные глаза. Ни один тиран не возлагает такого ярма. Таким образом, Бог оградил родительскую власть от злоупотреблений; и все же даже родитель, как известно, в момент гнева был жесток к своему ребенку. Можно ли в таком случае доверить человеку абсолютную власть над ближним, который, вместо того чтобы удостоиться от природы самой нежной любви, принадлежит к презируемой расе, рассматривается как собственность, становится пассивным инструментом его удовлетворения и наживы? Я не прошу никаких документов, подтверждающих злоупотребления этой властью, и меня не волнует, что говорят, чтобы опровергнуть их. Миллионы могут восстать и сказать мне, что раб мало страдает от жестокости. Я слишком много знаю о человеческой природе, человеческой истории, человеческих страстях, чтобы верить им. Я оправдываю рабовладельцев во всей их особой порочности. Я сужу о них по себе. Я говорю, что абсолютная власть всегда более или менее развращает человеческую природу. Я говорю, что экстраординарный, почти чудесный самоконтроль необходим, чтобы обезопасить рабовладельца от провокаций и страстей; и является ли самоконтроль той добродетелью, которая превышает всех других вырастает среди обладания безответственным господством? Даже когда рабовладелец честно оправдывает себя за жестокость, он может быть преступником. Следует не доверять его собственному сознанию. Начав с того, что он причинил зло рабу, отнял у него священные права, можно ожидать, что он, не задумываясь, будет умножать несправедливости. Униженное состояние раба может побудить хозяина к обращению, по сути, бесчеловечному и оскорбительному, но ему и в голову не придет быть жестоким. Влияние рабства на ожесточение нравственных чувств и ослепление людей к несправедливости является одним из его худших зол.

Но предположим, что хозяин настолько гуманен. Тем не менее, он не всегда присматривает за своим рабом. У него есть свои развлечения. Он часто отсутствует. Его ужасная власть должна быть передана. И кому она передана? Людям, готовым управлять другими, научившись управлять самими собой? Людям, глубоко заинтересованным в рабах? К мудрецам, сведущим в человеческой природе? К христианам, приученным к чистоте и любви? Кто не знает, что должность Надзирателя - одна из последних, которую выбрал бы просвещенный, филантропичный, уважающий себя человек? Кто не знает, как часто надсмотрщик загрязняет плантацию своей распущенностью, а также бичевает ее своей суровостью? В руках такого человека находится плеть. Такому человеку вверено самое страшное доверие на земле! За свои жестокости хозяин должен ответить так же верно, как если бы они были его собственными. И это еще не все. Хозяин не просто делегирует свою власть надсмотрщику. Как часто он полностью передает ее работорговцу! И взвесил ли он ответственность за такую передачу? Разве он не знает, что, продавая своих рабов в безжалостные руки, он сам становится безжалостным и должен дать отчет Богу за каждое варварство, жертвами которого они становятся? Пресловутая жестокость работорговцев не может быть ложным сообщением, ибо это входит в их призвание. Это люди, которые толпятся и оскверняют наше правительственное кресло, чьи невольничьи рынки и темницы для рабов превращают в насмешку язык свободы в залах Конгресса, и которые справедливо делают нас притчей во языцех и предметом презрения народов. Разве нет жестокости в том, чтобы подвергать рабов кровавой порке работорговца, чтобы их гнали, как стада крупного рогатого скота, в отдаленные регионы и там передавали в руки чужеземцев, без гарантии того, что они обретут справедливость или милосердие? Какое сердце, не опаленное обычаем, не отшатнулось бы от такого варварства?

Было замечено, что я вообще не основываю свои аргументы на случаях чрезмерной жестокости. Я придавал бы им меньшее значение, чем большинство людей, даже если бы они были более частыми. Они причиняют очень, очень мало страданий по сравнению с тем, что причиняется злоупотреблениями властью, слишком незначительными, чтобы их можно было заметить. Удары, оскорбления, лишения, которые не производят шума и не оставляют шрамов, несравненно более разрушительны для счастья, чем несколько жестоких актов насилия, вызывающих всеобщее негодование. Слабое, презируемое существо, не имеющее средств защиты или возмещения ущерба, живущее в сообществе, вооруженном против его прав, рассматриваемом как собственность и обязанном полностью, безропотно подчиняться чужой воле, если не подвергается проявлениям свирепой жестокости, все же подвергается менее ярким и шокирующим формам жестокости, количество которых должно составлять ужасающую массу страданий.

Но если бы можно было доказать, что в рабовладельческих странах нет жестокости, мы не должны были бы тогда больше мириться с рабством, чем мы есть сейчас. Ибо что бы это показало? Эта жестокость не нужна. А почему не нужна? Потому что раб полностью покорен своей участи. Ни один человек не будет полностью отказываться от сопротивления в рабстве, кроме того, кто насквозь пропитан духом раба. Если цветная раса никогда не нуждается в наказании, то это потому, что чувства людей мертвы внутри них, потому что у них нет сознания своих прав, потому что они трусы, не уважающие себя и не верящие в тех, кто разделяет их униженную участь. Тишина рабства подобна той, которую римские легионы оставили в древней Британии, тишине смерти. Почему римляне привыкли днем заковывать своих рабов в цепи, а ночью заключать их в темницы? Не потому, что они любили жестокость саму по себе; но потому, что их рабы были уязвлены сознанием своей деградации, потому что они принесли из лесов

Дакии некоторые грубые представления о человеческом достоинстве или из цивилизованных стран некоторый опыт социальных улучшений, который, естественно, вылился в насилие и раздражение. Они нуждались в жестокости, потому что их собственная воля не была сломлена чужой, и дух свободных людей не был полностью утрачен. Раб *должен* подвергнуться жестокому обращению либо внутренне, либо внешне. Удар должен быть нанесен либо душе, либо телу. Либо плоть должна быть истязаемая, либо дух должен быть подавлен. Ужасная альтернатива, к которой сводится рабство!

5. Я перехожу к еще одному взгляду на зло рабства. Я имею в виду его влияние на Хозяина. Возможно, к этой теме нельзя подойти так, чтобы не обидеть; но без этого был бы дан несовершенный взгляд на предмет. Я опущу многие точки зрения. Я ничего не буду говорить о тенденции рабства расшатывать представления о Праве в рабовладельце, ослаблять его убеждения в справедливости и Доброжелательности; или о его тенденции связывать с трудом идеи деградации и рекомендовать праздность как почетное освобождение. Я ограничусь двумя соображениями.

Первое заключается в том, что рабство, помимо всех других влияний, питает страсть к власти и родственные ей пороки. Нет страсти, которая нуждалась бы в более сильном обуздании. Худшие преступления людей проистекали из желания быть хозяевами, подчинять других своему ярму. И естественная тенденция подчинять других нашей абсолютной воле состоит в том, чтобы побуждать к страшной деятельности властные, надменные, надменные, своекорыстные наклонности нашей природы. Человек не может без неминуемой опасности для своей добродетели владеть ближним или использовать слово абсолютного повеления по отношению к своим братьям. Бог никогда не делегировал этой власти. Это узурпация Божественного владычества, и ее естественное влияние заключается в создании духа превосходства как над божественными, так и над человеческими законами.

Несомненно, дух времени и гений христианства в какой-то мере противодействуют этой тенденции, и у добросовестных людей она может быть полностью преодолена; но мы видим ее плоды в развращении моральных чувств, которые преобладают среди рабовладельцев. Быстрое негодование по поводу всего, что, как считается, посягает на личное достоинство, трепетная ревность к репутации, неистовство мстительных страстей и презрение ко всем законам, человеческим и божественным, в отместку за нанесенный ущерб, — все это входит в число добродетелей людей, чья самооценка подпитывается обладанием абсолютной властью.

Следовательно, прямой тенденцией рабства является уничтожение контроля христианства. Смирение - это, по сути, дух христианства. Ни один порок не был так сурово осужден нашим Господом, как страсть властвовать над другими. Уважение ко всем людям как к нашим братьям, благожелательность, которая располагает нас служить, а не царствовать, признавать свои собственные права, а не посягать на права других, прощать, а не мстить за обиды, управлять своим собственным духом, а не ломать дух низших или врагов, — вот христианство; религия слишком высокая и чистая, чтобы ее понимали и ей повиновались где бы то ни было, как положено, но которая встречает исключительную враждебность в привычках ума, порожденных рабством.

Рабовладелец, действительно, ценит себя за высоту духа. У него есть сознание собственного достоинства, которое навязывает его себе и другим. Но истина не может опуститься до этого высокого облика. Истина, нравственная, христианская истина, осуждает это и осуждает тех, кто

преклоняется перед ней. Самоуважение, основанное на сознании нашей нравственной природы и бессмертного предназначения, действительно, является благородным принципом; но это чувство включает в себя, как часть самого себя, уважение ко всем, кто разделяет нашу природу. Сознание собственного достоинства, основанное на подчинении других нашей абсолютной воле, бесчеловечно и несправедливо. Пришло время понять учения Христа. По мере того, как человек приобретает возвышенную осанку из привычки командовать обиженными и угнетенными ближними, настолько он отвергает истинную честь, настолько он пал в глазах Бога и Добродетели.

Я перехожу к более деликатной теме, на которой я не буду распространяться. Владеть личностями других людей, держать женщин в рабстве неизбежно губительно для чистоты народа. То, что незащищенные женщины, лишенные из-за своего униженного положения женского самоуважения, должны использоваться для удовлетворения других страстей в мужчинах, помимо любви к наживе, практически неизбежно. Соответственно, в таком сообществе бразды правления отданы юношеской распущенности. Молодежь, где бы она ни подвергалась опасности, в этих обстоятельствах побуждается к пороку со страшной силой. И зло не может остановиться на молодежи. Ранняя распущенность приводит к преступлениям в зрелой жизни. Насколько обязательство супружеской верности, святость семейных уз будут почитаться среди таких привычек, таких соблазнов, таких возможностей для порока, которые присущи рабству, не нуждается в объяснении. Так ужасна связь преступлений! Те, кто посягает на внутренние права других, страдают в своих собственных домах. Дом раба может быть произвольно разрушен хозяином; но он находит свою месть, если жаждет мести, в том проклятии, которое неверность хозяина бросает на его собственные домашние радости. Страна рабов пахнет распущенностью. Она заражена более смертоносной заразой, чем чума.

Но о худшем не рассказывают. В результате преступных связей у многих хозяев дети рождаются в рабстве. Я полагаю, что большинство из них получают защиту, возможно, снисхождение, при жизни отцов; но после их смерти многие оказываются в жестоком рабстве. Таких случаев, должно быть, стало больше, поскольку трудности эмансипации даже умножились. Более того, следует опасаться, что бывают случаи, когда хозяин подвергает своих собственных детей наказанию кнутом надсмотрщика или же продает их, чтобы они подвергались страданиям рабства у незнакомцев. Я был бы рад узнать, что мои впечатления по этому поводу ложны. Если они верны, то наша собственная страна, называющая себя просвещенной и христианской, осквернена одним из величайших безобразий на земле. Мы посылаем миссионеров в языческие земли. Среди осквернений язычества я не знаю ничего хуже этого. Язычник, который пирует за счет врага своей страны, может высоко поднять голову рядом с христианином, который продает своего ребенка ради наживы, продает его в рабство. Боже упаси, чтобы я обвинил в этом преступлении народ! Но как бы редко это ни случалось, это плод рабства, проявление власти, принадлежащей рабству, и никакие законы не ограничивают и не наказывают за это. Таково зло, которое естественным образом проистекает из распущенности, порожденной рабством.

Теперь я изложил читателю главные пороки рабства. Однако нам говорят, что они не лишены смягчения, что у рабства есть преимущества, которые во многом уравнивают его недостатки и боль. Немало людей частично примирились с этим учреждением благодаря доверительному языку, которым иногда объявляются о его преимуществах. Поэтому я завершу эту главу очень кратким рассмотрением того, что считается преимуществами рабства.

Часто говорят, что раб выполняет меньше работы, чем свободный работник. Он несет более легкое бремя, чем возложила бы на него свобода. Возможно, в целом это верно; однако, когда обстоятельства сулят хозяину выгоду от наложения чрезмерного труда, раба не щадят. В Вест-Индии ужасное расточительство среди переутомленных земледельцев требовало больших поставок из Африки, чтобы поддерживать сокращающееся население. В этой стране, вероятно, верно, что раб работает меньше, чем свободный работник; но из этого не следует, что его работа легче. Ибо что это такое, что облегчает труд? Это Надежда; это Любовь; это сильный мотив. Этот труд - легкий, который мы совершаем от всего сердца; к которому нас побуждает великое благо; которое должно улучшить нашу участь. Этот труд легок, он заключается в том, чтобы утешать, украшать и радовать наши дома, давать наставления нашим детям, утешать родителей на склоне лет, давать нашим благодарным и великодушным чувствам возможность проявить себя. Великие усилия, продиктованные великими побуждениями, - лучшее определение счастливой жизни. Самый легкий труд становится бременем для того, у кого нет мотива для его выполнения. Насколько утомительна задача, навязанная другим, и навязанная неправомерно? Раба нелегко заставить выполнять работу свободного человека; и почему? потому что ему нужен дух свободного человека, потому что в нем ослаблена пружина труда, потому что он работает как машина, а не как свободный агент. Принуждение, под действием которого он трудится для другого, лишает труд его сладости, делает повседневный круговорот жизни засушливым и унылым, делает бегство от тяжелого труда главным интересом жизни.

Далее нам говорят, что раб освобожден от всякой опеки, что он уверен в поддержке в будущем, что в старости его не отправляют в богадельню, а кормят и дают кров в его собственной хижине. Это правда; но также верно и то, что ничего нельзя добиться, нарушая великие законы и неотъемлемые права нашей природы. Нам говорят, что рабу ни о чем не нужно заботиться, его будущее обеспечено. И все же Бог создал его для того, чтобы он обеспечивал будущее, заботился о своем собственном счастье; и он не может быть освобожден от этой заботы без ущерба для своей моральной и интеллектуальной жизни. Почему Бог дал предвидение и власть над будущим, но не для того, чтобы их использовали? Является ли благословением для разумного существа оказаться в условиях, приковывающих его способности к настоящему моменту, не оставляющих перед ним ничего, что могло бы пробудить интеллект или тронуть сердце? Следует также помнить, что то же самое положение, которое избавляет раба от беспокойства, лишает его надежды. На самом деле, будущее не преследуют призраки бедности, и оно не озаряется образами радости. Она простирается перед ним стерильная, однообразная, не обрастая освежающей зеленью и не посылая ободряющего шепота о лучшей участи.

Это правда, что свободный рабочий может стать нищим; то же самое может произойти и со свободным богатым человеком, как на Севере, так и на Юге. Тем не менее, нашим капиталистам и в голову не приходит бежать в рабство в качестве защиты от богадельни. Свобода, несомненно, таит в себе свои опасности. Она ничего не предлагает ленивым и распутным. Среди людей, предоставленных искать свое собственное благо по-своему, некоторые из всех классов терпят неудачу из-за порока, некоторые из-за неспособности, некоторые из-за несчастья. Все классы будут поставлять членов для общества бедных. Но в этой стране их число невелико и должно постоянно уменьшаться. Зло, каким бы прискорбным оно ни было, не настолько неизлечимо и не настолько распространяется, чтобы служить мотивом для закования половины населения в цепи. Благотворительность многое делает для смягчения этого. Лучшие умы задаются вопросом, как это можно предотвратить, уменьшить, устранить. Это возбуждает

филантропию, которая создает из несчастья новые узы союза между человеком и цивилизацией.

Наши братья-рабовладельцы, которые говорят нам, что условия раба лучше, чем у свободного работника на Севере, говорят невежественно и опрометчиво. Они не знают, не могут знать того, что для нас является предметом повседневных наблюдений, что из семей наших фермеров и механиков вышли наши самые выдающиеся люди, люди, которые больше всего сделали для науки, искусства, литературы, религии и свободы; и что самые благородные умы среди нас были бы потеряны для своей страны и человечества, если бы рабочий класс здесь был обречен на рабство. Они не знают, о чем мы с радостью сообщаем им, что этот класс в значительной степени разделяет импульс, данный всему обществу; что средства интеллектуального совершенствования распространяются среди трудолюбивых так же быстро, как и среди богатых; что наши самые выдающиеся граждане встречают их как братьев и в публичных выступлениях сообщают им о своих самых важных приобретениях. Несомненно, христианский, республиканский дух даже здесь не работает так, как следовало бы. Более развитые и процветающие классы еще не осознали, что их великая миссия состоит в нравственном и интеллектуальном возвышении менее развитых классов общества; но великая истина все больше и больше признается, и, соответственно, можно сказать, что в обществе открывается новая эра.

Однако говорят, что раб, если его не сравнивать со свободным рабочим на Севере, находится в более счастливом положении, чем ирландское крестьянство. Пусть это будет даровано. Пусть безопасность семейных отношений крестьянина, пусть его церковь, школа и его слабая надежда на лучшую участь сойдут на нет. Поскольку Ирландия страдает от дурного правления и угнетения на протяжении веков, следует ли из этого, что менее жестокое угнетение является благом? Кроме того, разве ошибки Ирландии не признаны? Разве британское законодательство не работает над восстановлением ее процветания? Разве это не правда, что, хотя участь раба не допускает существенных изменений, самые просвещенные умы трудятся над тем, чтобы даровать ирландскому крестьянину благословения образования, равных законов, новых стимулов к труду, новых источников богатства? Другие люди, какими бы падшими они ни были, могут быть подняты. Неподвижный груз давит на раба.

Но нам все равно говорят, что раб гей. Он не такой жалкий, как учат наши теории. После тяжелого труда он поет, он танцует, он не подает признаков истощения или мрачного настроения. Раб счастлив! Зачем же тогда бороться за права? Зачем с бьющимся сердцем следить за борьбой патриота за свободу? Зачем канонизировать мученика за свободу? Раб счастлив! Тогда счастье можно найти в отказе от отличительных черт мужчины; в затемнении интеллекта и совести; в подавлении великодушных чувств; в раболепии духа; в жизни под кнутом; в том, что не имеешь ни собственности, ни прав; в том, что держишь жену и ребенка на произвол других; в труде без надежды; в жизни без конца! У раба, действительно, есть свои удовольствия. Его животная природа переживает ущерб, нанесенный его рациональным и моральным силам; и у каждого животного есть свои удовольствия. Доброта Провидения не позволяет ни одному человеческому существу быть полностью оторванным от добра. Ягненок резвится; собака прыгает от радости; птица наполняет воздух веселой гармонией; а раб проводит свой отпуск в смехе и танцах. Спасибо Тому, кто никогда не оставляет себя без свидетелей; кто радуется даже пустыню зелеными пятнами; и открывает источник радости в самом иссохшем сердце! Однако невозможно созерцать случайную веселость рабыни без

некоторой примеси болезненных мыслей. Он гей, потому что он не научился думать; потому что он слишком падший, чтобы чувствовать свою неправоту; потому что он хочет просто самоуважения. Нас огорчает веселость безумцев. В его веселости есть печаль, легкость его сердца сменилась бы горечью и негодованием, если бы хоть один луч света пробудил в нем дух мужчины.

То, что среди свободных есть более несчастные, чем рабы, несомненно верно; точно так же, как среди людей несравненно больше несчастий, чем среди животных. Животное никогда не знало мук человеческого духа, раздираемого раскаянием или уязвленного в своей любви. Но разве мы перестали бы быть людьми, потому что наша способность к страданию возрастает с возвышением нашей природы? Все благословения могут быть извращены, и величайшие извращены сильнее всего. Если бы мы посетили страну рабов, несомненно, самые несчастные человеческие существа были бы найдены среди свободных; ибо среди них страсти имеют более широкий размах, и сила, которой они обладают, может быть использована для их собственной гибели. Свобода не является необходимостью для счастья. Это всего лишь средство достижения добра. Это доверие, которым можно злоупотребить. Все ли такие доверия должны быть отброшены? Разве это не величайшие дары Небес?

Но нам говорят, что раб часто проявляет привязанность к своему хозяину, скорбит о его уходе и приветствует его возвращение. Я не буду пытаться объяснить это, говоря, что отсутствие хозяина ставит раба под надзор надсмотрщика. Я также не стану возражать, что склонность раба воровать у своего хозяина, его потребность в хлысте, побуждающем его к тяжелому труду, и страх восстания, который он внушает, являются признаками чего угодно, только не любви. Несомненно, в этих отношениях гораздо больше привязанности, чем можно было ожидать. Из всех человеческих рас африканец самая мягкая и восприимчивая к привязанности. Он любит там, где европеец возненавидел бы. Он наблюдает за жизнью хозяина, которого североамериканский индеец в подобных обстоятельствах вонзил бы нож в сердце. Африканец нежен. Является ли это причиной для того, чтобы держать его в цепях? Однако мы не можем думать об этой наиболее интересной черте рабства с искренним удовольствием. Проклятие рабства в том, что оно не может коснуться ничего, что не принижало бы. Даже любовь, это чувство, данное нам Богом как зародыш божественной добродетели, становится у раба слабостью, почти унижением. Его привязанности теряют большую часть своей красоты и достоинства. Он действительно должен испытывать благожелательность к своему хозяину; но привязываться к человеку, который унижает его и лишает прав человека; быть благодарным и преданным тому, кто вымогает у него деньги и превращает его в движимое имущество; в этом есть налет раболепия, который заставляет нас горевать, в то время как мы восхищаемся. Однако мы не хотели бы умалять привязанность раба. Он счастлив из-за своей щедрости. Пусть он любит своего хозяина, а хозяин пусть добивается любви добротой. Мы только говорим: пусть это проявление великодушной натуры раба не обернется против него. Пусть это не станет ответом на разоблачение его ошибок. Пусть это не будет использовано как оружие для его вечной деградации.

Но раба, как нам говорят, учат Религии. Это самый ободряющий звук, который доносится до нас из страны рабства. Мы рады узнать, что любая часть рабов обучена этой истине, которая дает внутреннюю свободу. Они слышат по крайней мере один голос глубокой, подлинной любви, голос Христа; и читают в его кресте то, что все остальное скрывает от них, - невыразимую ценность их духовной природы. Эта часть, однако, невелика. Большая часть все еще погружена

в языческое невежество. Кроме того, религия, хотя и является великим благом, вряд ли может проявить свою полную власть над рабом. Разве это не будет сделано для того, чтобы сделать его послушным своему хозяину, а не для того, чтобы возвысить его до достоинства мужчины? Является ли рабство, которое, как известно, унижает разум, подготовкой к постижению духовной истины? Может ли раб понять принцип Любви, важнейший принцип христианства, когда он слышит это из уст тех, чье отношение к нему выражает несправедливость и эгоизм? Но предположим, что он примет христианство в его чистоте и почувствует всю его силу. Это для того, чтобы примирить нас с рабством? Может ли существо, способное понять самую возвышенную истину, которая когда-либо приходила в человеческий разум, способное любить и боготворить Бога, способное сообразоваться с небесной добродетелью Спасителя, за которого этот Спаситель умер, для которого открыты небеса, чье покаяние теперь доставляет радость на небесах, — должно ли такое существо считаться собственностью, управляться силой, как животное, и лишаться прав человека ближним, мнимым учеником справедливого и милосердного Спасителя? Религиозен ли он по натуре, и смеет ли кто-нибудь держать его как раба?

Теперь я завершил свои взгляды на зло рабства и показал, как мало они смягчаются тем, что считается его преимуществами. Во всем этом обсуждении я осторожно избегал приводить конкретные примеры его пагубного влияния. Я не свел воедино рассказы об ужасной жестокости, которые приходят к нам с Юга. Я ограничился естественными тенденциями рабства, злом, заложенным в самой его природе, которое, пока человек остается человеком, не может быть отделено от него. Я не утверждаю, что эти пороки несмешанны или универсальны. Для них есть и должны быть исключения, и в связи с ними часто можно найти больше или меньше хорошего. Ни одно учреждение, каким бы оно ни было, не может сделать жизнь человека полностью злой или лишить его всех средств к улучшению. Божья благосклонность торжествует над всей извращенностью и безумием человеческих замыслов. Он посылает ободряющий луч в самую темную обитель. У раба бывают часы радостного возбуждения. В его хижине иногда звенит бездумное веселье. Среди представителей этого класса тоже есть и должны быть, время от времени, высшие удовольствия. Бог нелицеприятен; и в некоторых рабах есть счастливая натура, которую не могут разрушить никакие условия, точно так же, как среди детей мы находим таких, которых не может испортить самое плохое воспитание. Африканец настолько любвеобилен, умеет подражать и послушен, что при благоприятных обстоятельствах он улавливает много хорошего; и соответственно влияние мудрого и доброго хозяина будет видно по самому выражению лица и манере держаться его рабов. Среди этого деградировавшего народа время от времени встречаются примеры превосходного интеллекта и добродетели, показывающие беспочвенность мнения, что они неспособны занять более высокое положение, чем рабство, и показывающие, что человеческая природа слишком великодушна и вынослива, чтобы быть полностью уничтоженной в самом неподходящем состоянии. Мы также наблюдаем в этом классе, и очень часто, превосходное физическое развитие, изящество форм и движений, которое почти вызывает чувство, приближающееся к уважению. Я не хочу утверждать, что рабство исключает все хорошее, ибо человеческая жизнь не может долго продолжаться в условиях лишения всего радостного и улучшающего. Я говорил о его естественных тенденциях и результатах. Это абсолютное и единственное зло.

Я знаю, что на высказанные сейчас взгляды на рабство будет дан ответ, что люди, живущие вдали от него, не могут понять его, что его истинный характер можно узнать только от тех, кто знает его практически и знаком с его действиями. На это я не отвечаю, что видел это вблизи.

Достаточно ответить, что люди могут утратить способность ясно видеть объект, находясь как слишком близко, так и на слишком большом расстоянии. Рабовладелец слишком хорошо знаком с рабством, чтобы понять его. Быть воспитанным на несправедливости - почти обязательно быть более или менее ослепленным ею. Осуществлять узурпированную власть с рождения - самый надежный способ рассматривать ее как право и благо. Рабовладелец говорит нам, что только он может рассказать нам о рабстве. Но предположим, что мы хотим узнать истинный характер деспотизма; должны ли мы пойти во дворец и взять деспота своим учителем? Должны ли мы обращать большое внимание на его заверения, что он один мог понять характер абсолютной власти и что мы, живущие в республике, ничего не можем знать о состоянии людей, подчиненных безответственной воле? Печальное влияние рабства, затемняющее разум, который постоянно с ним знаком, раскрывается нам в недавних попытках, предпринятых на Юге, представить этот институт как благо. Свободные люди, которые скорее умрут, чем откажутся от своих прав, говорят о счастье тех, у кого отняты все права. Они говорят о рабе как о "собственности" с такой уверенностью, как будто это самое святое требование. Это одно из печальных последствий рабства. Оно затемняет моральное чувство хозяина. И могут ли люди, чья позиция столь неблагоприятна для справедливого, беспристрастного суждения, ожидать, что мы согласимся с их взглядами?

Есть и другой ответ. Если рабовладельческие государства ожидают, что мы признаем их взгляды на этот институт, они должны позволить свободно обсуждать его между собой. Какая польза от их показаний в пользу рабства, когда ни одному языку не позволено произнести ни слова в его осуждение? Какая польза от прессы, когда она может публиковать только с одной стороны? В рабовладельческих государствах свободе слова приходит конец. Любой, кто выразил бы среди них чувства, касающиеся рабства, которые повсеместно приняты в цивилизованном мире, подвергнул бы свою жизнь опасности, вероятно, был бы освежеван или повешен. По этому великому вопросу, который жизненно влияет на их мир и процветание, на их моральные и политические интересы, ни один филантроп, постигший истину, не может высказать свое мнение. Даже министр религии, чувствующий враждебность между рабством и христианством, не осмеливается заговорить. Его призвание может не спасти его от народного гнева. Таким образом, рабство мстит за себя. Это подчиняет хозяев деспотизму. Это отнимает ту свободу, которую свободный человек ценит как жизнь, — свободу слова. Все это, как нам говорят, необходимо, и так может быть; но учреждение, навязывающее такую необходимость, не может быть благом; и ясно одно: показания людей, помещенных в такие ограничения, не могут восприниматься слишком осторожно. У нас есть лучшие источники знаний. У нас есть свидетельство веков и свидетельство неизменных принципов человеческой природы. Они уверяют нас, что рабство - это "зло, и зло постоянно".

Я не должен закрывать эту главу, не признав (что я с радостью и делаю), что во многих случаях доброта хозяев многое делает для смягчения последствий рабства. Если бы это можно было обезвредить, многие не пожалели бы усилий, чтобы сделать это таковым. Это зло, но не из-за какой-то особой испорченности рабовладельца, а по своей собственной природе, и несмотря на все усилия превратить его в благо. Это зло не потому, что оно существует в том или ином месте. Если бы оно было посажено на Севере, оно стало бы еще большим проклятием, более ожесточающим и порочным, чем сейчас, под более мягким небом. Я жалею не на конкретную форму рабства в этой стране. Я готов допустить, что оно здесь сравнительно мягкое; что на многих плантациях не существует злоупотреблений, кроме тех, которые неотделимы от самой его природы. Коварство кроется в самой его природе. "Люди не собирают виноград с

терновника или смоквы с чертополоха". Учреждение, основанное на таком зле, настолько пропитанное несправедливостью, нельзя сделать хорошим. Его, как и другие учреждения, нельзя увековечить, совершенствуя. Улучшить его - значит подготовить почву для его ниспровержения. Каждое улучшение участи раба - это шаг к свободе. Таким образом, рабство является радикальным, сущностным злом. Каждый хороший человек должен искренне молиться и использовать все добродетельное влияние, чтобы положить конец институту, столь пагубному для человеческой природы.

ГЛАВА V.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ.

Часто предпринимаются попытки поддержать рабство авторитетом Откровения. "Рабство, - говорится, - разрешено в Ветхом Завете и не осуждается в Новом. Павел повелевает рабам повиноваться. Он повелевает хозяевам не отпускать своих рабов, но обращаться с ними справедливо. Следовательно, рабство является правильным, оно освящено Словом Божиим". В наш век мира и среди света, который был пролит на истинное толкование Священных Писаний, такие рассуждения вряд ли заслуживают внимания. В ответ будет сказано всего несколько слов.

Это рассуждение доказывает слишком многое. Если обычаи, санкционированные в Ветхом Завете и не запрещенные в Новом, верны, то наш моральный кодекс претерпит печальное ухудшение. Многоженство было разрешено израильтянам, практиковалось самыми святыми людьми и было распространено и разрешалось в эпоху Апостолов. Но Апостолы нигде не осуждали это, и отказ от этого не был сделан существенным условием принятия в христианскую церковь. Это правда, что в одном отрывке Христос косвенно осудил это. Но разве рабство не осуждается более сильным подтекстом во многих отрывках, которые делают новую религию состоящей в служении друг другу и в том, чтобы делать с другими то, что мы хотели бы, чтобы они делали с нами? Почему Священное Писание нельзя использовать для того, чтобы наполнить наши дома женами так же, как и рабынями?

Снова. Говорят, что Павел санкционировал рабство. Давайте теперь спросим. Каким было рабство в эпоху Павла? Это было рабство не столько черных, сколько белых людей, не только варваров, но и греков, не только невежественных и униженных, но и добродетельных, образованных и утонченных. Пиратство и завоевания были главными средствами снабжения невольничьего рынка, и они не обращали внимания ни на характер, ни на условия. Иногда большая часть населения захваченного города продавалась в рабство, иногда все целиком, как в случае с Иерусалимом. Знатные и королевские семьи, богатые и знатные, ученые и могущественные, философы и поэты, мудрейшие и лучшие люди были приговорены к цепям. Таково было древнее рабство. И это, как нам говорят, разрешено и подтверждено Словом Божиим! Если бы Наполеон, захватив Берлин или Вену, обрек большую часть или все их население на рабство; если бы он ухватился за почтенных матрон, матерей прославленных

людей, которые отдыхали после добродетельной жизни в лоне благодарных семей; если бы он ухватился за нежную, утонченную, красивую молодую женщину, чье образование подготовило ее к тому, чтобы украсить сферу, в которую поместил ее Бог, чья клятвенная любовь открыла перед ней видения блаженства, и над всеми перспективами витали самые свежие надежды и самые яркие фантазии юности; если бы он ухватился за министрарелигия, человек науки, гениальный человек, мудрец, проводники мира; если бы он рассеял их по невольничьим рынкам мира и передал их тем, кто предложит самую высокую цену на публичных торгах, мужчин превратил бы в орудия рабского труда, женщин - в орудия похоти, и обоим пришлось бы терпеть любые унижения и пытки, которые может причинить абсолютная власть; тогда мы имели бы картину нынешнего века рабства, как оно существовало во времена Павла. Нам говорят, что такое рабство было санкционировано Апостолом! Нам говорят, что он объявил это нравственно правильным! Если бы Наполеон отправил несколько партий этих жертв к этим берегам, мы могли бы купить их и унижить самых благородных существ до наших низменных целей, и могли бы сослаться на Павла, чтобы тот засвидетельствовал нашу невиновность! Если бы неверующий выдвинул это обвинение против Апостола, мы бы сказали, что он трудился по своему призванию; но то, что называющий себя христианином так оскорбляет этого святого филантропа, этого мученика за истину и милосердие, является печальным доказательством силы рабства, которое ослепляет своих сторонников к самой простой истине.

Рабство в эпоху Апостола настолько проникло в общество, было так тесно переплетено с ним, а материалы рабской войны были столь обильны, что религия, проповедующая свободу своим жертвам, потрясла бы социальную ткань до основания и вооружила бы против себя всю мощь государства. Как следствие, Павел не нападал на это. Он удовлетворился распространением принципов, которые, какими бы медленными они ни были, не могли не привести к его разрушению. Он повелел Филимону принять своего беглого раба Онисима "не как раба, но выше раба, как брата возлюбленного"; и он повелел хозяевам давать своим рабам то, что было *"справедливым и равным"*; таким образом, утверждая за рабом права христианина и Мужчины; и как в его обстоятельствах он мог бы сделать больше для ниспровержения рабства, я не вижу.

Позвольте мне сделать еще одно замечание. Искажение Священного Писания в поддержку рабства исключительно непростительно в этой стране. Павел не только повелевал рабам повиноваться своим хозяевам. Он произнес эти заповеди: "Пусть каждая душа будет подчинена высшим силам. Ибо нет власти, кроме как от Бога; существующие силы установлены Богом. Поэтому всякий, кто противится власти, противится постановлению Божьему; и те, кто противятся, получают для себя проклятие". Этот отрывок был написан во времена Нерона. Он учит пассивному повиновению деспотизму сильнее, чем любой текст учит законности рабства. Соответственно, его веками цитировали сторонники произвола власти и сделали оплотом тирании. Согласились ли наши отцы с наиболее очевидной интерпретацией этого текста? Из-за того, что первых христиан учили подчиняться деспотическому правлению, чувствовали ли наши отцы, что христианство лишило людей их прав? Утверждали ли они, что тирании можно найти оправдание, потому что насильственное противодействие ей в большинстве случаев неправильно? Утверждали ли они, что абсолютная власть перестает быть несправедливой, потому что, как правило, подчиняться - обязанность подданных? Пришли ли они к выводу, что плохие институты должны быть вечными, потому что ниспровержение их силой почти всегда причиняет большее зло, чем устраняет? Нет; они были более мудрыми толкователями Слова

Божьего. Они считали, что деспотизм был неправильным, несмотря на общую обязанность его подданных подчиняться; и что всякий раз, когда целый народ настолько ощущал неправильность, что требовал его устранения, время для его устранения полностью наступало. Такова школа, в которой мы здесь воспитывались. Для нас не является лишним доказательством божественного происхождения христианства то, что оно учит человеческому братству и поощряет права человека; и все же, на основании двух или трех отрывков, допускающих различные конструкции, мы превращаем христианство в слугу рабства, изготовителя цепей для тех, кого оно пришло освободить.

Это простое правило критики Священных Писаний, согласно которому конкретные тексты должны интерпретироваться в соответствии с общим содержанием и духом христианства. И каково общее, вечное учение христианства относительно общественного долга? "Все, что бы вы ни хотели, чтобы люди делали с вами, точно так же поступайте и вы с ними; ибо таков закон и пророки". Теперь разве каждый человек не чувствует, что ничто, ничто не может заставить его согласиться быть рабом? Разве он не чувствует, что, если бы его низвели до такой жалкой участи, вся его природа, его разум, совесть, привязанности возопили бы против этого как величайшего из бедствий и несправедливостей? Может ли он тогда притворяться, что, держа других в рабстве, он поступает со своим ближним так, как хотел бы, чтобы его ближний поступил с ним? Какая польза от нескольких текстов, которые были разработаны для местного и временного использования, когда они противоречат жизненно важному духу и простейшим предписаниям нашей религии?

Я завершаю этот раздел несколькими выдержками из недавней работы одного из наших самых выдающихся авторов; не потому, что я считаю необходимыми дополнительные аргументы, а потому, что авторитет Священного Писания более успешно, чем что-либо другое, используется для примирения добрых умов с рабством.

"Сам курс, который Евангелие избирает по этому вопросу, по-видимому, был единственным, который можно было предпринять для того, чтобы добиться всеобщей отмены рабства. Евангелие было предназначено не для одной расы или для одного времени, но для всех людей и на все времена. Она рассматривала упразднение этой формы зла не только для той эпохи, но и для его всеобщего упразднения. Следовательно, важной целью его автора было закрепить его во всех частях известного мира; так, чтобы путем его повсеместного распространения среди всех классов общества он мог тихо и мирно изменять и подчинять злые страсти людей; и таким образом, без насилия произвести революцию во всей массе человечества. Только таким образом могла быть достигнута ее цель - всеобщая моральная революция. Ибо, если бы оно запретило зло вместо того, чтобы ниспровергать *принцип*, если бы оно провозгласило незаконность рабства и научило рабов *сопротивляться* угнетению своих хозяев, это немедленно привело бы к смертельной вражде между двумя партиями по всему цивилизованному миру; его объявление послужило бы сигналом к войне рабов; и само название христианской религии было бы забыто среди волнений всеобщего кровопролития. Тот факт, что при таких обстоятельствах Евангелие не запрещает рабство, не дает оснований предполагать, что оно не имеет в виду его запрещение; тем более это дает основание полагать, что Иисус Христос намеревался санкционировать его".

"Важно помнить, что в Евангелии четко признаются два основания для выполнения моральных обязательств. Первое - это наш долг перед человеком как человеком; то есть на основании отношения, которое люди поддерживают друг к другу; второе - это наш долг перед человеком как творением Божиим; то есть на основании отношения, которое мы все поддерживаем к Богу. — Теперь следует заметить, что именно на этом последнем основании рабу приказывают повиноваться своему хозяину. К этому призывают не как к обязанности повиноваться родителям, потому что это правильно, а потому, что воспитание кротости и снисходительности к обидам будет благоугодно Богу. Следовательно, то, каким образом прививается долг слуг или рабынь, не дает оснований для утверждения, что Евангелие уполномочивает одного человека держать другого в рабстве, не больше, чем повеление чтить короля, когда этим королем был Нерон, санкционировало тиранию императора; или как повеление подставлять другую щеку, когда тебя бьют, оправдывает применение насилия со стороны вредного человека ".^[1]

СНОСКА:

^[1]"Элементы моральной науки" Уэйленда, страницы 225-6. Обсуждение рабства в главе, из которой взяты эти выдержки, вполне заслуживает внимания.

ГЛАВА VI.

СРЕДСТВА УСТРАНЕНИЯ РАБСТВА.

Как устранить рабство - это вопрос для рабовладельца, и только он один может дать полный ответ. Он один обладает глубоким знанием характера и привычек рабов, к которым должны быть тщательно приспособлены средства освобождения. Общие взгляды и принципы могут и должны предлагаться на расстоянии; но способ их применения может быть понят только теми, кто живет там, где существует зло. На рабовладельце лежит обязанность устанавливать и применять наилучшие методы освобождения, и ни на ком другом. У нас нет права вмешиваться, и мы этого не желаем. Мы считаем, что опасности освобождения, если таковые существуют, были бы бесконечно увеличены, если бы благо пришло к рабу из чужих рук, если бы он увидел, как иностранная держава навязывает его хозяину. Крайне важно, чтобы на смену рабству пришли дружеские отношения между господином и рабом; и чтобы добиться этого, последний должен видеть в первом своего благодетеля и избавителя. Его свобода должна казаться ему выражением благожелательности и уважения к его правам. Он должен доверять своим начальникам и с радостью и благодарностью обращаться к ним за советом и помощью. Дайте ему почувствовать, что свобода была вырвана у невольного хозяина, который охотно заменил бы цепь, и тогда возникнут ревность, мстительность и ненависть, которые омрачат невинность и счастье его новой свободы и сделают ее опасной для него самого и всех вокруг. Я действительно верю, что освобождение, хотя и дарованное таким образом, было бы лучше, чем вечное рабство; но ответственность за его дарование никому из нас не хочется брать на себя.

Мы не можем не опасаться эксперимента, который сейчас проводится в Вест-Индии, поскольку он является делом рук иностранцев. Плантадоры, особенно Ямайки, выступали против

метрополии с упорством, граничащим с безумием; много сделали, чтобы вывести из себя рабов, освобождению которых они не могли помешать; ничего не сделали, чтобы подготовить их к свободе; встретили их с унынием на лицах и с недобрыми предзнаменованиями на устах; научили их искать помощи за границей и видеть в своих хозяевах лишь препятствия на пути к улучшению их участи. Возможно, что при всех этих препятствиях освобождение может увенчаться успехом. Дай Бог ему успеха! Если оно потерпит неудачу, плантатор сам навлечет на себя разорение. Политика, равно как и долг, так ясно научили его брать в свои руки работу, начатую высшей властью, не жалеть ни сил, ни расходов, чтобы привязать к себе новыми узами тех, кто должен был сбросить свои прежние цепи, что мы не знаем, как объяснить его поведение, кроме как предположив, что его несчастливое положение рабовладельца лишило его рассудка, а также притупило его моральное чувство.

В этой стране никакая власть, кроме власти рабовладельческих государств, не может устранить зло, и никто из нас не стремится забрать власть из их рук. Только они могут сделать это безопасно. Только они могут определить и применить истинные и надежные средства освобождения. В том, что такие средства существуют, я не могу сомневаться; ибо освобождение уже успешно осуществлялось в других странах; и даже если бы не было прецедента, я был бы уверен, что при благожелательном и праведном правлении Бога не могло бы быть необходимости держать людей в вечном рабстве. Эта вера, однако, не универсальна. Многие, когда слышат о зле рабства, говорят: "Это плохо, но исправить это невозможно. Облегчения нет". Они говорят с отчаянием в голосе: "Дайте нам ваш план", - и оправдывают свое безразличие к эмансипации тем, что они называют ее безнадежностью. Такое состояние ума побудило меня высказать несколько замечаний о средствах ликвидации рабства; не то чтобы я предполагал, что человек, находящийся так далеко, может выполнить работу, к которой следует призвать весь интеллект и доброжелательность Юга, но что я могу предложить несколько принципов, которые, я думаю, обеспечили бы счастливый результат благотворительному предприятию, и что я могу устранить недоверие, на которое я жаловался.

Что же тогда нужно сделать для отмены рабства? Во-первых, рабовладельцы должны торжественно отказаться от права собственности на людей. Великий принцип, согласно которому человек не может принадлежать человеку, должен быть четко и торжественно признан. Раб должен быть признан причастным к общей природе, обладающим основными правами человечества. Эта великая истина лежит в основе каждого мудрого плана по его освобождению. Сердечное признание этого придавало бы сознание достоинства, величия усилиям по освобождению. Действительно, есть величие в идее приобщить более двух миллионов людей к осуществлению прав человека, к благословениям христианской цивилизации, к средствам бесконечного совершенствования. Рабовладельческие государства призваны к более благородному делу благотворительности, чем любое другое сообщество. Они должны понимать его достоинство. Этого они не могут сделать до тех пор, пока раб не будет по-настоящему, искренне, умом и сердцем признан Человеком, пока он не перестанет рассматриваться как Собственность.

Могут спросить, действительно ли, призывая рабовладельческие государства отменить собственность на раба, я подразумеваю, что он должен быть немедленно освобожден от всех своих нынешних ограничений. Ни в коем случае. Нет ничего более далекого от моих мыслей. Раб не может по праву и не должен принадлежать Отдельному лицу. Но, как и любой другой гражданин, он принадлежит Сообществу, он подчиняется сообществу, а сообщество имеет

право и обязано продолжать все подобные ограничения, поскольку этого требуют его собственная безопасность и благополучие раба. Было бы жестокостью, а не добротой по отношению к последнему дать ему свободу, которую он не готов понять или наслаждаться. Было бы жестокостью срывать оковы с человека, первые шаги которого безошибочно привели бы его к пропасти. У раба не должно быть хозяина, но у него должен быть опекун. Ему нужна власть, чтобы восполнить недостаток той осмотрительности, которой он еще не достиг; но это должна быть власть друга; официальная власть, предоставляемая государством, и за которую должно быть возложено ответственность перед государством, власть, специально предназначенная для подготовки своих подданных к личной свободе. Рабу, в первую очередь, не должно быть позволено бродить по его желанию за пределами плантации, на которой он трудится; и если его нельзя побудить к труду рациональными и естественными мотивами, он должен быть обязан трудиться; по тем же принципам, по которым бродяга в других сообществах заключен в тюрьму и вынужден зарабатывать себе на хлеб. Дар свободы был бы всего лишь названием, и хуже, чем номинальным, если бы он был выпущен на свободу в обществе при обстоятельствах, толкающих его на преступления, за которые он был бы приговорен к более суровому рабству, чем то, которого он избежал. Многие ограничения должны быть продолжены; но продолжены не потому, что цветная раса является собственностью, не потому, что они обязаны жить и трудиться на владельца, а исключительно и всецело потому, что их собственная невиновность, безопасность и образование, а также общественный порядок и мир требуют, чтобы они, при нынешней неспособности, были ограничены. Следует помнить, что эта неспособность - не их вина, а их несчастье; что не они, а сообщество несет за это ответственность; и что сообщество не может без преступления извлекать выгоду из своего собственного зла. Если правительство и должно проводить какие-либо различия между гражданами, то это должно быть в интересах пострадавших. Вместо того чтобы ссылаться на прошлое существование рабства и вызванную им беспомощность в качестве извинений или причин для продолжения ига, сообщество должно найти в этих самых обстоятельствах новые обязательства по оказанию помощи пострадавшим.

Есть только один весомый аргумент против немедленной эмансипации, а именно, что раб не смог бы прокормить себя и своих детей честным трудом; что, всегда работая по принуждению, он не будет работать без этого; что, всегда работая по чужой воле, он не будет работать по своей собственной; что в его собственном разуме нет источника напряжения; что он не привык к предусмотрительности, провидению, самоотречению и обязанностям домашней жизни; что свобода породила бы праздность; праздность, нужду; нужду, преступление; и что преступление, когда это войдет в привычку, принесет несчастье, возможно, разорение не только нарушителям, но и государству. В этом сила аргумента в пользу сохранения нынешних ограничений. Дайте рабам волю и возможность содержать себя и свои семьи честным трудом, и полное освобождение не должно откладываться ни на час.

Таким образом, важным шагом на пути к отмене рабства является подготовка рабов к самообеспечению. И эта работа, по-видимому, не представляет особых трудностей. Цветной человек - это не дикарь, для которого тяжелый труд - пытка, который сосредоточил все представления о счастье и достоинстве в дикой свободе, который должен променять бескрайний лес на узкую плантацию и склонить свою гордую шею под неведомое ярмо. Труд был его первым уроком, и он повторял его всю свою жизнь. Может ли быть трудной задачей научить его трудиться для себя, руководствоваться импульсами в своей собственной груди?

Многое можно сделать сразу, чтобы приучить раба к самому себе, приучить его работать на себя и свою семью, пробудить предусмотрительность и укрепить привычку заботиться о будущем. На каждой плантации есть рабы, которые сделали бы больше за плату, чем из страха наказания. Есть те, кому, если бы им доверили участок земли, они бы содержали себя сами и платили арендную плату натурой. Есть такие, которые, если бы им дали умеренную работу, в свое время заработали бы на все свое существование. Теперь каждый такой человек должен быть очень предан самому себе. Это преступление - подвергать кнуту человека, которого можно заставить трудиться из рациональных и благородных побуждений. Это частичное введение свободы сформировало бы высший класс среди рабов, чей пример оказал бы огромную моральную силу на тех, кто нуждался в принуждении. Трудолюбивые и процветающие дали бы импульс всей расе. Важно, чтобы собственность, заработанная таким образом рабом, была такой же священной, как собственность любого другого члена сообщества, и для этого ему должна быть предоставлена возможность получить возмещение причиненного вреда. В случае причинения вреда его хозяину в этом или в каком-либо другом отношении он должен быть либо освобожден, либо, если он не готов к свободе, должен быть передан другому опекуну.

В качестве другого средства воспитания раба и приучения его действовать из более высоких побуждений, чем принуждение, следует ввести систему поощрений. Честным и трудолюбивым должны быть предоставлены новые привилегии, увеличенные послабления, почетные знаки отличия, выражения уважения. Ни один народ так не восприимчив к похвалам и почетным отличиям, как цветная раса. Награды за хорошее поведение, соответствующие их вкусам и характеру, могут в значительной степени заменить плетку. Их любовь к украшениям может быть обращена во благо. Цель состоит в том, чтобы привлечь раба к труду из иных побуждений, чем жестокое принуждение. Такие мотивы легко найти, если добросовестно предложить цель.

Одно из великих средств возвышения раба и высвобождения его энергии - перевести его семейные отношения на новую почву. Это важно. Мы хотим, чтобы он трудился ради своей семьи. Тогда у него должна быть семья, ради которой он должен трудиться. Тогда его жена и дети должны быть действительно его собственными. Тогда его дом должен быть неприкосновенным. Тогда на него должны быть возложены обязанности мужа и отца. Решено, что он будет готов к свободе, как только поддержка его семьи станет его привычкой и его счастьем; и как можно довести его до такого состояния, если он не будет видеть святости в брачных узах, если он будет видеть, как его жена и его дети подвергаются унижению и продаже, если их поддержка не будет вверена его заботам? Никакая мера подготовки раба к свободе не может быть столь эффективной, как улучшение его семейной жизни. Следует использовать всю силу религии, чтобы внушить ему святость брака и его обязанности. Целомудренные и верующие в этой связи должны получать открытые и сильные знаки уважения. К ним следует относиться как к лидерам их расы. Муж и жена, которые оказываются неверными друг другу и не желают трудиться ради своих детей, должны быть подвергнуты самому суровому порицанию. Создать чувство домашнего долга, пробудить семейную привязанность, дать средства для семейного счастья, глубоко закрепить убеждение в нерасторжимости брака и торжественности родительских отношений - вот важнейшие средства воспитания раба к добродетельной и счастливой свободе. Все остальные люди трудятся для своих семей; то же самое сделает и раб, если чувства человека будут лелеяны в его груди. Мы держим его в рабстве, потому что, выйдя на свободу, он оставит свою жену и детей в нужде; и это рабство разрушает все чувства и привычки, которые побуждали бы его трудиться ради их поддержки. Ни один шаг не будет

сделан в направлении подготовки раба к добровольному труду, пока не будут соблюдены его домашние права. Нарушение этих взываний к Богу больше, чем любое другое зло в его судьбе.

Для приведения в действие этого и всех других средств улучшения важно, чтобы раба больше не покупали и не продавали. До тех пор, пока из него делают товар, он не может быть приспособлен для работы в качестве человека. У него не будет особого мотива накапливать удобства и украшения в своей хижине, если в любой момент его могут оторвать от нее. Пока с ним обращаются как с собственностью, у него будет мало стимулов к накоплению собственности, поскольку она не может быть безопасной. В то время как его жена и дети могут быть выставлены на аукцион и унесены неизвестно куда, можно ли ожидать, что он будет чувствовать и действовать как муж и отец? Настало время, чтобы эта христианская и цивилизованная страна больше не была опозорена одним из худших проявлений варварства. Уничтожьте рынок рабов, и одно из главных препятствий на пути к освобождению будет устранено.

Позвольте мне только добавить, что религиозное обучение должно идти рука об руку со всеми другими средствами подготовки раба к свободе. Говорят, что цветная раса особенно восприимчива к религиозным чувствам. Если к этому подходить мудро и действенно, если заставить раба почувствовать свою связь и подотчетность перед Богом и постичь дух христианства, он пригоден для свободы. Для выполнения этой работы, возможно, проповедь не должна быть единственным или главным инструментом. Если бы все цветное население было собрано в воскресные школы, а белые стали бы их учителями, между расами установились бы новые и интересные отношения было бы оказано влияние, которое во многом обеспечило бы безопасность дара свободы.

В этих замечаниях я не имел в виду, что освобождение - это легкая работа, ежедневный труд, благо, которого можно достичь без жертв и тяжелого труда. Цветной человек, действительно, необычайно восприимчив к совершенствованию вследствие силы его склонности к подражанию и сочувствию. Но все великие перемены в обществе сопряжены со своими трудностями и неудобствами и требуют терпеливого труда. Я прошу не принимать поспешных мер, не вносить насильственных изменений. Я прошу только, чтобы рабовладельческие государства добросовестно решили устранить это величайшее из моральных зол и несправедливостей и немедленно применили к этой работе весь свой интеллект, добродетель и мощь. Кто может сомневаться в том, что его трудности уступят перед такой энергией? Наша слабость к святым начинаниям, как правило, заключается в нашей собственной неохотной воле. Вдохните в людей пылкую целеустремленность, и вы пробудите силы, прежде неведомые. Как быстро исчезло бы рабство, если бы обязательство устранить его было полностью понято и глубоко прочувствовано! Нам говорят, что рабовладельческие государства в последнее время достигли беспрецедентного процветания. Это приобщение к их богатству должно быть посвящено делу освобождения их ближних. К их образу жизни не должно быть добавлено ни малейшего снисхождения, пока с их полей не стихнут крики угнетенных, пока не будут восстановлены права каждого человека. Правительство должно посвятить себя этому как своей великой цели. Законодательные органы должны собраться, чтобы освободить раба. Церковь не должна отдыхать ни днем, ни ночью, пока это пятно не будет стерто. Пусть размышления мудрых, энергия активных, богатство преуспевающих, молитвы и труды добрых обретут Освобождение для достижения своей великой цели. Пусть это обычно обсуждается в семейном кругу, на конференции христиан, в законодательных залах. Пусть это смешается с первыми

мыслями рабовладельца утром и последними - вечером. Кто может сомневаться в том, что такому духу Бог открыл бы средства мудрого и могущественного действия? Есть только одно препятствие на пути к освобождению, и это отсутствие того духа, в котором христиане и свободные люди должны принять решение уничтожить рабство.

Я ничего не сказал о колонизации среди средств устранения рабства, потому что считаю, что полагаться на нее для достижения этой цели было бы равносильно решению бесконечно увековечивать зло. Какую бы пользу это ни принесло за границей, а я верю, что принесет много, дома это мало что обещает. Однако, если рабовладельческие государства возьмутся за колонизацию с твердой верой в ее осуществимость, с энергией, соразмерной ее величии, и с искренним уважением к благополучию цветной расы, я уверен, что это не закончится отсутствием сочувствия и помощи со стороны других государств. По правде говоря, эти государства не откажутся от любого хорошо продуманного плана по отмене рабства.

Я ничего не сказал о неудобствах и страданиях, которые, как утверждается, последуют за освобождением, будь оно даже таким безопасным; ибо они, если они реальны, ничего не весят против требований справедливости. Наиболее распространенным возражением является то, что результатом будет смешение двух рас. Можно ли обосновать это возражение добросовестно? Может ли это смешение продолжаться быстрее или более преступно, чем в настоящий момент? Может ли рабовладелец употреблять слово "объединение", не краснея? Ничто, ничто не может остановить это зло, кроме воспитания у цветной женщины нового чувства характера, нового самоуважения; а этого она не может достичь, кроме как став свободной. Мы знаем, что у эмансипации будут свои недостатки; ибо все великие перемены, какими бы благотворными они ни были, в социальном положении народа, должны затрагивать какие-то интересы, должны приносить потери или лишения тому или иному классу; но зло рабства безмерно превосходит самое большое, которое может сопутствовать его устранению. Пусть рабовладелец искренне и в духе самопожертвования пожелает восстановить свободу, обеспечить права и счастье раба, и новый свет озарит его путь. "Каждая трудная гора будет низвергнута, а неровности сглажены"; средства исполнения долга станут ясны. Но без этого духа никакое красноречие человека или ангела не сможет убедить рабовладельца в безопасности освобождения.

ГЛАВА VII.

АБОЛИЦИОНИЗМ.

Слово "аболиционист" в его истинном значении относится к каждому человеку, который чувствует себя обязанным оказать свое влияние для отмены рабства. Это почетное имя, и не так давно его носили такие люди, как Франклин и Джей. События, однако, постоянно меняют термины; и в последнее время значение слова "аболиционист" было сужено по сравнению с его первоначальным значением и ограничено членами ассоциаций, созданных среди нас для

содействия немедленной эмансипации. Не без нежелания я даю маленькой организации имя, которое должен носить каждый хороший человек. Но чтобы быть понятным и избежать околичностей, я буду использовать это слово в том смысле, в каком оно сейчас общепринято.

Я подхожу к этой теме неохотно, потому что моим долгом будет высказать порицание тем, кого в данный момент я ни в коем случае не стал бы выставлять на всеобщее обозрение.

Преследования, которым подвергались и продолжают подвергаться аболиционисты, вызывают только мое горе и негодование и побуждают меня защищать их в полной мере, какую допускают истина и справедливость. Я выражаю свои симпатии преследуемым, под каким бы именем они ни назывались, и особенно тем, кого преследуют за по существу благое дело. Я бы ни за что на свете не произнес ни слова в оправдание насилия, недавно совершенного над партией, состоящей в основном из мужчин, непорочных в жизни и придерживающихся доктрины непротивления травмам; и женщин, образцовых в своих различных отношениях и действующих, пусть и ошибочно, из доброжелательных и благочестивых побуждений.

Из аболиционистов я знаю очень немногих; но я обязан сказать о них, что я уважаю их за силу принципов, сочувствие к ближним и активную доброту. Как партия, они необычайно свободны от политического и религиозного сектантства и отличаются отсутствием управления, расчета и житейской мудрости. Нет никаких оснований полагать, что они когда-либо предлагали или желали восстания или насилия среди рабов. Все их принципы отвергают это предположение. Примечательным фактом является то, что, хотя Юг и Север объединились, чтобы сокрушить их, хотя за ними наблюдали миллионы глаз, и хотя предубеждение было готово обнаружить малейший признак порочной связи с рабами, все же это преступление не было возложено на ни на одного члена этого сообщества. Несколько человек на Юге, действительно, были замучены или убиты разъяренными толпами по обвинению в подстрекательстве к мятежу; но их вина и их связь с аболиционистами не были, и исходя из обстоятельств и характера дела, не могли быть установлены теми преднамеренными и регулярными методами расследования, которые необходимы для вынесения беспристрастного приговора. Преступления, раскрытые и поспешно наказанные толпой в момент лихорадочного подозрения и дикой тревоги, как правило, порождены страхом и страстью. Актом, вызвавшим нынешний взрыв народных чувств, была рассылка брошюр аболиционистами в рабовладельческие штаты. Поступая таким образом, они действовали слабо и без приличий; но они, должно быть, были безумцами, если намеревались разжечь рабскую войну; ибо брошюры были разосланы не тайком, а государственной почтой; и не рабам, а хозяевам; людям общественной жизни, людям величайшего влияния и отличия. Странные это поджигатели! Они разбрасывали головни повсюду в полдень; и, более того, передали их в руки тех самых людей, которых, как говорят, они хотели уничтожить. Их действительно обвиняют в том, что они разослали некоторые брошюры свободному цветному населению, и если это так, то они действовали с большой и преступной опрометчивостью. Но публичность всей сделки освобождает их от коррупционного замысла.

Обвинение в коррупционном замысле, столь яростно выдвинутое против аболиционистов, беспочвенно. Обвинение в фанатизме у меня нет желания отвергать. Но в нынешнюю эпоху не годится жестоко обращаться с фанатиками. Они составляют народную массу. Религия и Политика, Филантропия и Воздержание, Аннулирование и антимасонство, Уравнительный Дух рабочего человека и Спекулятивный Дух делового человека - все это впадает в фанатизм. Это

тип всех наших эпидемий. Кто может найти трезвого человека? Аболиционисты всего лишь подхватили лихорадку дня. То, что они избежали этого, было бы моральным чудом.— Я высказываю эти замечания просто из чувства справедливости. Если бы против этого общества не разразилось преследование, не имеющее аналогов в нашей стране, я бы не сказал ни слова в их защиту. Но пока у меня есть власть, я обязан сделать это ради преследуемых. Если они подчинились законам, пусть страдают. За все их ошибки и грехи пусть трибунал общественного мнения вынесет им полную меру порицания, которого они заслуживают. Я не прошу для них одолжения. Но они не должны быть лишены прав человека, прав, гарантированных законами и Конституцией, без того, чтобы хотя бы один голос не был поднят в их защиту.

Я считаю, что аболиционисты поступили неправильно; и не стоит закрывать глаза на их неправоту, потому что они поступили фанатично или с благими намерениями; ибо сколько зла может быть причинено с благим умыслом! Они впали в обычную ошибку энтузиастов, а именно в преувеличение своей цели, в ощущение, что не существует никакого зла, кроме того, которому они противостоят, и что никакая вина не может сравниться с тем, что они одобряют или поддерживают его. Тон их газет, насколько я их видел, часто был жестким, ожесточенным и оскорбительным. Их воображение питалось картинками жестокости, которой подвергается раб, пока им не стало казаться, что его жилище постоянно оглашается ударами плети и криками агонии; и, соответственно, рабовладелец был приговорен к смертной казни как жестокий монстр. Я знаю, что многие из их публикаций были спокойными, хорошо продуманными и изобиловали вескими аргументами. Но те из них, которые были наиболее широко рассеяны и наиболее приспособлены для воздействия на общее сознание, имели тон, враждебный как нравам, так и духу нашей религии. Я не сомневаюсь, что большинство аболиционистов осуждают грубость и насилие, на которые я жалуюсь. Но в этом, как и в большинстве ассоциаций, многие представлены и контролируются немногими, и их заставляют санкционировать и брать на себя ответственность за то, что они не одобряют.

Одной из их ошибок было принятие "Немедленной эмансипации" в качестве своего девиза. Этому они в немалой степени обязаны своей непопулярностью. Эта фраза во многом способствовала распространению повсюду веры в то, что они хотели немедленно освободить раба от всех его оков. Они давали объяснения; но тысячи слышали девиз, который никогда не видел объяснения; и, конечно, со стороны партии неразумно выбирать лозунг, который можно спасти от неправильного понимания только тщательным разъяснением. Можно также усомниться в том, устраняли ли они когда-либо возражения, столь повсеместно выдвигаемые их формулировками, не рекомендовали ли они всегда опрометчивые действия, несовместимые с благополучием раба и государственным порядком.

Другое возражение против их движений состоит в том, что они стремились достичь своих целей с помощью системы агитации; то есть с помощью системы связанных обществ, собранных, удерживаемых вместе и расширяемых страстным красноречием. По правде говоря, это обычный способ, с помощью которого сейчас выполняются все проекты. Эпоха индивидуальных действий прошла. Правду нельзя услышать, пока ее не выкрикнет толпа. Самым весомым аргументом в пользу доктрины является число, которое ее принимает. Соответственно, собрать и организовать множество людей - это первая забота того, кто хочет устранить злоупотребления или распространить реформу. То, что это средство в некоторых случаях полезно, не отрицается. Но обычно это показной, шумный способ действия, апеллирующий к страстям и доводящий людей до преувеличения; и есть особые причины, по

которым такой способ не следует применять в отношении рабства; ибо рабству следует противостоять так, чтобы не раздражать раба и не подвергать опасности общество, в котором он живет. Аболиционисты могли бы создать ассоциацию, но она должна была быть выборной. Следовало тщательно искать людей с твердыми принципами, рассудительностью, трезвостью в качестве членов. Сотрудничество таких филантропов могло бы принести много пользы. Вместо этого аболиционисты послали своих ораторов, некоторые из них были охвачены пламенным рвением, поднять тревогу против рабства по всей стране, собрать вместе молодых и старых, учениц школ, женщин, едва достигших зрелого возраста, невежественных, легковозбудимых, порывистых, и организовать их в ассоциации для борьбы с угнетением. К большому сожалению, они проповедовали свое учение цветным людям и собирали их в свои общества. Этой разношерстной и возбужденной толпе были даны подробные, душераздирающие описания рабства в пронзительных тонах страсти, а рабовладельцы представлялись чудовищами жестокости и преступлений. Теперь я должен возразить против этой процедуры как неразумной, как враждебной духу христианства и как в некоторой степени увеличивающей опасности рабовладельческих государств. Среди непросвещенных, к которым они так убедительно обращались, не было ли причин опасаться, что некоторые могут почувствовать себя призванными ниспровергнуть эту систему зла любыми средствами? Особенно следовало опасаться этой опасности со стороны свободных цветных людей. Нам легко поставить себя на их место. Предположим, что миллионы белых людей были порабощены, лишены всех своих прав в соседней стране и порабощены черной расой, которая оторвала их предков от берегов, на которых жили наши отцы. Как глубоко мы должны чувствовать их несправедливость! И было бы замечательно, если бы в момент страстного возбуждения какой-нибудь энтузиаст счел своим долгом использовать свое общение со своими пострадавшими собратьями для подстрекательства их к восстанию?

Такова опасность, исходящая от аболиционизма для рабовладельческих государств. Я не знаю другой. Справедливости ради следует добавить, что принцип непротивления, который аболиционисты связали со своими страстными призывами, по-видимому, предотвратил эту опасность. Я не знаю ни одного случая, когда в результате судебного расследования было бы доказано, что член общества по борьбе с рабством вмешивался в дела рабов; и после ярко выраженного и единодушного мнения свободных Штатов по этому вопросу можно считать, что эта опасность миновала. Тем не менее, способ действий, требующий таких проверок, вызывает серьезные возражения, и от него следует отказаться. Счастливым будет, если неодобрение друзей, как, так и врагов, придаст аболиционистам осторожности и умеренности, которые обеспечат согласие здравомыслящих и сочувствие друзей человечества! Пусть благое дело не сталкивается с главным препятствием в лице своих защитников. Пусть правда, и только правда, будет произнесена без дрожи или страха; но так, чтобы убедить, а не воспламенить, чтобы не вызывать тревоги у мудрых и ненужного раздражения у эгоистичных и страстных.

Я знаю, говорят, что ничего нельзя сделать иначе, как с помощью возбуждения и горячности; что рвение, которое отваживается на все, - единственная сила, способная противостоять давно укоренившимся злоупотреблениям. Но неправда, что Бог поручил великую работу по преобразованию мира страсти. Любовь служит добру только тогда, когда она дает энергию интеллекту и объединяется с мудростью. Аболиционисты часто говорят о пылкости Лютера как о модели для будущих реформаторов. Но кто из тех, кто читал историю, не знает, что реформация Лютера сопровождалась огромными страданиями и преступлениями и что ее прогресс вскоре был остановлен? и нет ли оснований опасаться, что свирепый, ожесточенный, преследующий

дух, который он вдохнул в это произведение, не только запятнал его славу, но и ограничил его силу? Один великий принцип, который мы должны установить как непреложную истину, заключается в том, что если доброе дело не может быть продолжено спокойным, самоконтролируемым, благожелательным духом христианства, то время для его выполнения еще не пришло. Бог не просит помощи у наших пороков. Он может искоренить их навсегда, но они не являются избранными инструментами человеческого счастья.

Нам, действительно, нужно рвение, пылкое рвение, такое, которое не побоится ничьей власти и не дрогнет перед чьим-либо неодобрительным взглядом, такое, которое пожертвует жизнью ради истины и свободы. Но эта энергия воли должна сочетаться с обдуманной мудростью и вселенским милосердием. В своих напряженных усилиях она должна учитывать целое ради части. Прежде всего, он должен сначала спросить не о том, какие средства наиболее эффективны, а о том, какие средства санкционированы Нравственным Законом и христианской Любовью. Мы должны гораздо больше думать о том, чтобы идти по правильному пути, чем о достижении своей цели. Мы должны желать добродетели больше, чем успеха. Если одним неправильным поступком мы могли бы добиться освобождения миллионов, и никаким другим способом, мы должны чувствовать, что в этом благе, о котором, возможно, мы молились с мучительным желанием, Бог отказал нам, приберег для других времен и в других руках. Первая цель истинного рвения состоит не в том, чтобы мы могли процветать, а в том, чтобы мы могли поступать правильно, чтобы мы могли сохранять себя незапятнанными от всякой злой мысли, слова и поступка. Вдохновленные таким рвением, мы не найдем в величии предприятия оправдания интриге или насилию. Нам не нужен немедленный успех, чтобы побудить нас к действию. Мы не должны не доверять Богу, потому что он не уступает крику человеческого нетерпения. Мы не оставим хорошую работу, потому что она не продвигается быстрым шагом. Вера в истину, добродетель и Всемогущую Доброту в равной степени спасет нас от опрометчивости и отчаяния.

Выражая сожаление по поводу принятия аболиционистами системы агитации или экстенсивного возбуждения, я не имею в виду осуждать этот образ действий только как зло. Есть случаи, к которым он приспособлен; и, в общем, импульс, который он дает, лучше, чем эгоистичное, вялое безразличие к хорошим объектам, в которое обычно впадает толпа. Но это не должно заменять или сравниваться с индивидуальными действиями. Энтузиазм индивидуума в благом деле - могущественная сила. Вынужденный, искусственно возбужденный энтузиазм толпы, удерживаемый вместе организацией, которая делает их инструментами нескольких ведущих умов, действует поверхностно и часто вредно. Я боюсь, что прирожденный энтузиаст с благородными помыслами часто теряет целеустремленность, которая является его величайшей силой, когда однажды он пытается воспользоваться механизмом ассоциаций. Истинная сила Реформатора заключается в том, чтобы говорить правду исключительно от души, не меняя ни единого тона с целью управления партией или расширения ее рядов. Истина, чтобы быть могущественной, должна говорить своими собственными словами, и никакими другими, должна исходить с авторитетом и спонтанной энергией вдохновения из глубин души. Это голос Индивидуума, выражающий неустойчивую убежденность его собственного глубоко тронутого духа, а не крик толпы, который несет истину далеко в другие души и обеспечивает ей стабильную империю на земле. Из-за отсутствия этого большая часть того, что сейчас делается, делается поверхностно. Прогресс общества зависит главным образом от честного исследования Индивидом конкретной работы, предназначенной ему Богом, и от его простоты в следовании своим убеждениям. Эта моральная независимость более могущественна, а также

более свята, чем практика согреваться в толпе и ждать импульса от множества людей. В тот момент, когда человек расстается с моральной независимостью; в тот момент, когда он судит о долге, руководствуясь не внутренним голосом, а интересами и волей партии; в тот момент, когда он посвящает себя лидеру или организации и закрывает глаза на зло, потому что разделение повредило бы делу; в тот момент, когда он снимает с себя особую ответственность, потому что он всего лишь один из тысячи или миллиона тех, кто творит зло; в этот момент он расстается со своей моральной силой. Он лишен энергии беззаветной веры в Правоту и Истину. Он надеется на то, что политика человека может достичь только верности Богу. Он заменяет небесную силу грубым оружием, выкованным человеческой мудростью.

Принятие общей системы агитации аболиционистами оказалось явно неудачным. С самого начала это вызвало тревогу у благоразумных и усилило симпатии свободных Штатов к рабовладельцу. Это обратило в свою веру нескольких человек, но оттолкнуло множество. Его влияние на Юге было злом без примеси. Она возбудила ожесточенные страсти и свирепый фанатизм, которые заткнули все уши и каждое сердце перед ее доводами и убеждениями. Эти последствия вызывают тем большее сожаление, что надежда раба на свободу заключается главным образом в расположении духа его хозяина. Аболиционист действительно предлагал обратить рабовладельцев; и с этой целью он обратился к ним с бранью и исчерпал на них весь словарный запас оскорблений! И он пожал то, что посеял. На его яростные призывы в защиту рабов последовали более дикие призывы рабовладельца; и, что еще хуже, была выдвинута преднамеренная защита рабства в духе темных веков и вопреки моральным убеждениям и чувствам христианского и цивилизованного мира. Таким образом, благие цели, похоже, ничего не принесли. Возможно (хотя я стремлюсь отогнать эту мысль), что-то было потеряно для дела свободы и человечности.

Я искренне желаю, чтобы аболиционизм отказался от формы общественной агитации и добился своего конца более мудрыми и мягкими средствами. Я так же искренне желаю, и даже еще более искренне, чтобы это не было подавлено незаконной силой. Есть худшее зло, чем аболиционизм, и это подавление его незаконной силой. Никакое зло, большее этого, не может существовать в Государстве, и в этом никогда не было необходимости. Следует признать, что целью или прямой, ощутимой тенденцией аболиционизма является разжигание восстания на Юге, и что никакие существующие законы не могут удовлетворить эту потребность. Священный долг Главного магистрата штата - немедленно созвать законодательные органы, а их долг - немедленно применить средства правовой защиты. Пусть каждый друг свободы, пусть каждый порядочный человек возвысит свой голос против толпы. Через это лежит наш путь к тирании. Именно они распространили мнение, столь распространенное на Юге, что свободные Штаты не могут долго поддерживать республиканские институты. Кажется, никто не осознает их несоответствия свободе. Виновата вся наша фразеология. Толпы называют себя Народом, хотя на самом деле они немедленно посягают на суверенитет Народа, влекут за собой вину за узурпацию власти и восстание против Народа. Фундаментальный принцип наших институтов заключается в том, что Народ Суверенен. Но под Народом мы подразумеваем не отдельного человека здесь или там, не группу из двадцати, ста или тысячи индивидуумов в том или ином месте, а Сообщество, сформированное в политический орган, выражающий и исполняющий свою волю через регулярно назначаемые органы. Есть только одно выражение воли или Суверенитета народа, и это Закон. Закон - это голос, жизненный акт народа. Другого у него нет. Когда индивид приостанавливает действие Закона, сопротивляется его установленным служителям и насильно заменяет его своей собственной волей, он является узурпатором и

мятежником. Та же вина присуща совокупности индивидов. Многие или немногочисленные из них, насильственно отменяя публичный закон и устанавливая свой собственный, восстают против Народа так же верно, как один узурпатор. Народ должен отстаивать свое оскорбленное величие, свой находящийся под угрозой суверенитет, в одном случае так же решительно, как и в другом. Разница между толпой и индивидуумом заключается в том, что узурпация последней имеет постоянство, которое нелегко придать буйным движениям первых. Различие является весомым. Внезапные всплески активности населения не имеют большого значения, потому что они так быстро проходят. Но когда толпы организованы, как во время Французской революции, или когда к ним намеренно решаются и систематически прибегают как к средству подавления одиозной партии, они теряют это оправдание. Существует заговор против Суверенитета народа, который должен быть подавлен как одно из главных зол государства.

В этой части страны наше отвращение к толпе уменьшается из-за того факта, что считалось, что в начале революции они сослужили хорошую службу. Вероятно, они были полезны тогда; и почему? Делом тех дней была Революция. Свергнуть правительство было страшной задачей, к которой, как считали наши отцы, они были призваны. Они считали, что их долгом было восстание. В такой работе толпы имели свое место. Управление государством находилось в руках его врагов. Люди не могли использовать обычные органы управления, поскольку они находились в руках и пользовались властью, которую они хотели сокрушить. Насильственные, нерегулярные усилия принадлежали тому судьбоносному дню. Сопротивление и подрыв институтов - это сама работа толпы; и когда эти институты популярны, когда их единственной целью является выражение и исполнение воли народа, тогда толпы являются восстанием против Народа, и как таковое их следует понимать и подавлять. Народ никогда не бывает так оскорблен, как когда толпа берет его имя. Отмена смертной казни не должна быть подавлена незаконной силой. Попытка таким образом уничтожить ее должна потерпеть неудачу. Такие попытки ставят аболиционизм на новую почву. Они делают это не ради нескольких энтузиастов, а ради свободы. Они отождествляют это со всеми нашими правами и общественными институтами. Если Конституция и законы не могут ее свергнуть, она должна оставаться в силе; и тот, кто пытается ее свергнуть с помощью незаконной силы, является мятежником и узурпатором. Верховенство закона и Суверенитет народа едины и неделимы. Коснуться одного - значит нарушить другое. Это должно быть заложено в качестве первого принципа, аксиомы, фундаментального догмата веры, ставить под сомнение который было бы ересью. Газета, которая открыто или косвенным образом возбуждает толпу, должна рассматриваться как призыв к восстанию. По этому поводу общественное сознание дремлет, и его необходимо пробудить, иначе оно погрузится в сон смерти.

Насколько очевидно, что в предложениях для мобов никогда не будет недостатка, если в любом случае будет разрешен этот дезорганизирующий способ устранения зла! Все мы помним, что, когда недавно было совершено покушение на жизнь президента Соединенных Штатов, его друзья разразились криками, "что убийца был спровоцирован постоянными оскорблениями, изливаемыми на этого выдающегося человека, и особенно жестокими речами, ежедневно произносимыми в Сенате Соединенных Штатов". Предположим теперь, что его приверженцы, чтобы спасти Главного судью от убийства и охранить его советников по конституции, объединились в толпы, чтобы разгонять собрания его противников. И предположим, что они решили заставить замолчать законодателей, которые, как утверждалось, злоупотребили своей свободой слова, чтобы очернить репутацию и подвергнуть опасности жизнь Главного судьи. Разве у них не было бы лучшего предложения, чем толпы против отмены смертной казни? Не было

ли предпринято покушения? Разве президент не получал писем с угрозами своей жизни, если он не изменит свои меры? Может ли пройти год или месяц, которые не дадут столь же серьезных поводов для восстаний населения? Система толпы и свободное правительство не могут устоять вместе. Люди, подстрекающие к первым, и особенно те, кто их организует, относятся к числу злейших врагов государства. Об их мотивах я не говорю. Они могут думать, что служат своей стране, поскольку заблуждениям нашего времени нет предела. Я говорю только о характере и тенденции их действий. Они должны быть немедленно подавлены законом и моральными чувствами оскорбленного народа.

В дополнение ко всем другим причинам честь нашей нации и дело свободных институтов должны призывать нас защищать законы от оскорблений, а общественный порядок - от подрыва. Моральное влияние и репутация нашей страны быстро падают за рубежом. Письмо, недавно полученное от одного из самых выдающихся людей европейского континента, выражает всеобщие чувства по ту сторону океана. Поговорив о недавних посягательствах на свободу во Франции, он говорит: "По вашу сторону Атлантики вы также вносите свой вклад в то, чтобы подвергнуть опасности дело свободы. Нам доставляло удовольствие думать, что, по крайней мере, в Новом Свете есть страна, где хорошо понимают свободу, где гарантированы все права, где народ доказывает свою мудрость и добродетель. В последнее время новости, которые мы получаем из Америки, обескураживают. Во всех ваших крупных городах мы видим толпы за толпами, и все они направлены к гнусной цели. Когда мы говорим о свободе, ее враги отвечают нам, *указывая на Америку*". Преследуемым аболиционистам симпатизирует цивилизованный мир. Страна, которая их преследует, покрывает себя позором и наполняет сердца друзей свободы страхом и унынием. Деспотизм уже начинает радоваться исполнению своих пророчеств, нашим поверженным законам и умирающим свободам. Свободе действительно угрожает смерть в стране, где любой класс людей безнаказанно лишается своих конституционных прав. Удар ощущается по всем правам. Сообщество, подвергая кого-либо из своих граждан угнетению и насилию, предлагает другим носить цепи, от которых оно страдает.

ГЛАВА VIII.

ОБЯЗАННОСТИ.

Остается сказать несколько слов об обязанностях Свободных государств. Им необходимо осознать ответственность и опасности своего нынешнего положения. Страна приближается к кризису по величайшему вопросу, который только может быть предложен ей, - вопросу не о прибылях или убытках, тарифах или банках, или каких-либо временных интересах, но вопросу, затрагивающему Первейшие принципы свободы, морали и религии. И все же, кто, кажется, осознает торжественность настоящего момента? Кто, кажется, устанавливает для себя великие фундаментальные истины, которыми должны определяться частные усилия и общественные меры?

У Севера есть обязанности по отношению к Югу и к самому себе. Позвольте ему принять решение выполнять их добросовестно, беспристрастно; сначала спрашивая о Правильном и

полностью полагаясь на Хорошее выполнение. Север обязан подавлять все попытки своих граждан, если таковым будет угрожать опасность, поднять восстание на Юге, все попытки вмешаться в умы рабов и склонить их к насилию. С этой целью можно справедливо прибегнуть к самым суровым законам, присущим цивилизации, и они должны строго соблюдаться. Я действительно считаю, что нет особой необходимости в новом законодательстве по этому вопросу. Я полагаю, что никогда еще рабовладельческим государствам не приходилось так мало опасаться свободных, когда моральное чувство общества в отношении преступления подстрекательства к бунту не было таким всеобщим, основательным и непреклонным, как в настоящий момент. Тем не менее, если Югу нужны другие демонстрации, кроме тех, которые он имеет сейчас, морального и дружественного духа, который в этом отношении пронизывает Север, пусть они будут даны. Более того, долг свободных штатов - действовать по собственному мнению там, где они не могут действовать по закону, не одобрять систему агитации на тему рабства, неодобрительно относиться к страстным призывам к невежеству и к огульной и подстрекательской брани рабовладельца. Это обязательство также было и будет выполнено. Никогда не было такого сильного чувства ответственности в данном конкретном случае, как в настоящий момент.

Однако есть и другие обязанности свободных государств, по отношению к которым они *могут* оказаться ложными и о которых они слишком охотно забывают. Они обязаны, не в силу своих общественных, а индивидуальных способностей, использовать все добродетельное влияние для отмены рабства. Они обязаны поощрять это мужественное, нравственное, религиозное обсуждение этого вопроса, благодаря которому будет укрепляться постоянно растущее мнение цивилизованного и христианского мира в пользу личной свободы. Они обязаны искать и отстаивать правду в отношении прав человека, быть верными своим принципам в разговорах и поведении, никогда, ни за что не поступаться ими в угоду личным интересам, удобству, лести или страху.

Нелегко выполнять долг верности нашим принципам. В этот момент огромное давление вытесняет Север с его истинных позиций. Боже, сохрани его от идиотизма, от предательства к свободе и добродетели! У меня, конечно, нет никаких чувств, кроме доброжелательности по отношению к Югу; но я выражаю всеобщее чувство этой части страны, когда говорю, что тон, который Юг часто принимал по отношению к Северу, был тоном превосходства, тоном, бессознательно заимствованным из привычки командовать, к которой он, к несчастью, приучен формой своего общества. Я должен добавить, что это высокое поведение Юга не всегда встречалось справедливым сознанием равенства, справедливым самоуважением на Севере. Причины я не буду пытаться объяснить. Эффект, которого я опасюсь, нельзя отрицать. Говорят, что те, кто представлял Север в Конгрессе, не всегда представляли его достоинство, его честь; что они не всегда стояли прямо перед величественной осанкой Юга. В этом заключается наша опасность. Север, несомненно, будет прямо на Юге. Он также должен быть справедлив по отношению к самому себе. Сейчас не время для подхалимажа, для раболепия, для компромисса с принципами, для забвения наших прав. Настало время проявить дух людей, дух, который ценит больше жизни принципы свободы, справедливости, гуманности, чистой морали, чистой религии.

Пусть никто не подумает, что я бы рекомендовал Северу то, что в некоторых частях нашей страны называется "Рыцарством", дух, лучшей эмблемой которого является дуэльный пистолет и который разрешает споры кровью. Христианина и цивилизованного человека не может не

поражать приближение к варварству, нечувствительность к истинному величию, неспособность понять божественные добродетели Иисуса Христа, которые характеризуют то, что называется "рыцарством". Я не прошу человека с Севера заимствовать это из какой-либо части страны. Но я прошу его стоять в присутствии этого "рыцарства" с достоинством морального мужества и независимости. Пусть он в тот же момент вспомнит о вежливости и почтении, обусловленных различием мнений других, и об искренности и твердости, обусловленных его собственным. Пусть он поймет, какую высокую позицию он занимает в вопросе о рабстве, и никогда не отступит от нее с целью успокоить предрассудки или обезоружить страсть. Пусть он уважает безопасность Юга и по-прежнему демонстрирует свою непреклонную приверженность делу защиты прав человека и личной свободы.

На этом пункте я должен настаивать, потому что вижу, как Север уступает неистовству Юга. В некоторых, возможно, многих наших недавних "Решениях" проявился дух, при виде которого если не мы, то наши дети будут краснеть. Не так давно ходили слухи, что некоторые из наших граждан хотели бы законодательно подавить все дискуссии, все выражение мнений о рабстве и выслать на Юг тех членов нашего сообщества, которые могли бы быть признаны зачинщиками восстания. С такими посягательствами на права, конечно, нельзя было мириться. Мы еще не настолько пали. Некоторые отголоски старого красноречия о свободе все еще дошли до нас от наших отцов. Освященные стены Фаней-холла до сих пор вдохновляют на героизм и свободу. Если бы мы уступили таким посягательствам, разве земля Новой Англии, по которой так долго ступали свободные люди, не вздымалась бы и не дрожала под шагами ее выродившихся сыновей? Мы к этому не готовы. Но слабый, уступчивый тон, к которому мы, кажется, готовы, может стать началом уступок, о которых мы однажды горько пожалеем.

Средства, используемые на Юге для того, чтобы заставить Север подчиниться, по-видимому, требуют особого внимания. Я не буду описывать презрительные высказывания, которые были брошены в адрес бережливых и стяжательских привычек Новой Англии, или угрозы, которые были адресованы нашей алчности с целью заставить нас замолчать тему рабства. Подобные формулировки ни в коей мере не трогают меня. Я только прошу, чтобы мы не давали повода для их применения. Мы легко можем это вынести, если мы этого не заслуживаем. Нашу метрополию называли нацией лавочников, и это название не должно вызывать раздражения у Новой Англии. Только давайте не будем подтверждать мнение, что наш дух ограничен нашими магазинами; что мы ставим искусство ведения переговоров выше всех искусств, всех наук, достижений и добродетелей; что скорее, чем потерять плоды труда раба, мы бы сковали его цепи; что скорее, чем потерять рынок сбыта, мы бы потерпели почетное крушение; что скорее, чем пожертвовать нынешней выгодой, мы бы нарушили нашу веру в наших отцов и наших детей, в наши принципы и нашего Бога. Возмущаться или отвечать на упреки было бы неразумно и нехристиански. Единственная месть, достойная хорошего человека, - это превратить упреки в предостережение против низости, в побуждение к более благородной добродетели. Новая Англия долгое время страдала от обвинений в подлом, расчетливом духе, в высшей жажде наживы. Давайте докажем, что у нас есть принципы, по сравнению с которыми богатства мира легки как воздух. Здесь принято говорить, что нет ни одного сообщества под небесами, через которое так широко распространяло бы интеллект и здоровые моральные чувства, как в Новой Англии. Пусть справедливое влияние такого общества не подрывается никаким актом, который придал бы предрассудкам аспект истины.

Следует опасаться, что свободным Штатам придется пройти через борьбу. Пусть они выдержат ее, как подобает их свободе! Вряд ли можно ожидать, что нынешнее волнение на Юге пройдет без попыток вырвать у них недостойные уступки. Тон в отношении рабства в этой части нашей страны изменился. Он не только более яростный, но и более фальшивый, чем раньше. Когда-то рабство признавалось злом. Теперь это провозглашается благом. Нам даже говорили, не горстка энтузиастов частной жизни, а люди самого высокого положения и самого широкого влияния на Юге, что рабство - это почва, в которую политическая свобода пускает свои глубочайшие корни, и что республиканские институты никогда не бывают так надежны, как тогда, когда рабочий класс обращен в рабство. Конечно, никакое утверждение самого дикого аболициониста не могло бы так потрясти рабовладельца, как эта новая доктрина способна потрясти жителей Севера. Свобода с рабыней вместо пьедестала и с цепью в руке настолько сильно отличается от этого прекрасного видения, от этого благостного Божества, которому мы, подобно нашим отцам, отдавали дань уважения, что мы не можем вынести, чтобы их обоих называли одним и тем же именем. Невозможно представить доктрину, более ранящую механиков, фермеров, чернорабочих Севера, чем эта странная ересь. Доктрина, более непочтительная, более губительная для республиканских институтов, никогда не была сфабрикована в деспотических советах. Это, однако, не провоцирует нас. Я напоминаю об этом только для того, чтобы показать дух, в котором поддерживается рабство, и напомнить свободным штатам о спокойной энергии, которая им понадобится, чтобы оставаться верными своим собственным принципам свободы.

В этой части страны существует большой страх, что союз Штатов может быть распущен из-за конфликта по поводу рабства. Чтобы предотвратить это зло, нужно принести все жертвы, кроме чести, свободы и принципов. Никто не ценит Союз больше, чем я. Возможно, мне будет позволено сказать, что я привязан к этому не обычной любовью. Большинство мужчин ценят Союз как Средство; для меня это Цель. Большинство сохранило бы его, для процветания которого он является инструментом; я люблю его и сохранил бы ради него самого. Некоторые ценят это как благоприятствующее общественным улучшениям, возможностям коммерческого обмена и т.д.; Я ценю эти улучшения и обмены главным образом как благоприятствующие союзу. Я прошу правительство штата объединить нас, сохранить нас вместе как братьев в мире; и меня мало волнует, приведет ли это к чему-либо еще. Мне так дорог союз. Это наш высший национальный интерес. Ради этого должны быть принесены все денежные жертвы, которые это может потребовать. Политики в некоторых частях нашей страны, которые подсчитывают ее стоимость и готовы отказаться от нее, потому что они могут стать богаче за счет разделения, кажутся мне лишенными разума. И все же, если Союз можно сохранить только наложением оков на слово и прессу, запретом обсуждения темы, затрагивающей самые священные права и самые дорогие интересы человечества, тогда союз был бы куплен слишком дорогой ценой; тогда он превратился бы из добродетельных уз в лигу преступления и позора. Языку нелегко воздать должное нашей привязанности к Союзу. Мы уступим ему все, кроме Правды, Чести и Свободы. От них мы никогда не сможем отказаться.

Пусть свободные государства будут твердыми, но также терпеливыми, снисходительными и спокойными. От рабовладельца они не могут ожидать совершенного самоконтроля. С его позиции, он был бы больше, чем человеком, если бы соблюдал границы умеренности. Сознание, которое успокаивает ум, вряд ли может принадлежать ему. В этом вопросе он всегда был чувствителен к излишествам. Следует ожидать большого раздражения. Многое придется вынести. Можно поступиться всем, кроме наших принципов и наших прав.

Моя работа закончена. Я прошу и надеюсь на это Божественное благословение, поскольку оно выражает Истину и дышит духом Справедливости и Человечности. Если я написал что-либо под влиянием предубеждения, страсти или недоброжелательности к кому-либо из людей, я прошу прощения у Бога и человека. Я говорил решительно, не для того, чтобы оскорбить или причинить боль, а для того, чтобы пробудить в других глубокие убеждения, соответствующие моим собственным. Ничто, кроме чувства, от которого я не мог избавиться, необходимости такой работы в этот самый момент, не побудило меня сосредоточить свои мысли на столь болезненном предмете. Несколько последних месяцев усилили мою заботу о стране. Мне показалось, что общественное мнение теряет свою здоровую силу. Я наблюдал симптомы упадка старого духа свободы. Раболепные мнения, казалось, укоренились среди нас. Вера наших отцов в свободные институты ослабла и уступает место отчаянию в отношении человеческих улучшений. Я заметил склонность высмеивать абстрактные права, говорить о свободе как о мечте, а о республиканских правительствах как о построенных на песке. Я заметил малодушие в деле защиты прав человека. Осуждение, вынесенное аболиционистам, похоже, привело к примирению с рабством. Симпатии сообщества переключились с раба на хозяина. Нечестивая доктрина о том, что человеческие законы могут отменить Божественные, могут превратить несправедливую и деспотичную власть в моральное право, все больше и больше окрашивает стиль разговоров и прессу. С такими печальными и серьезными взглядами на общество я не мог молчать; и я благодарю Бога, несмотря на сознание своей великой слабости и несовершенства, что я смог отдать эту скромную дань уважения, это искреннее, хотя и слабое свидетельство, это выражение сердечной преданности делу Свободы, Справедливости и человечности.

Изложив обстоятельства, побудившие меня написать, я должен сказать, что они не обескураживают меня. Если бы вокруг нас собирались более мрачные предзнаменования, я бы не отчаивался. С такой верой, как у него, пришедшего подготовить путь для Великого Избавителя, я чувствую и могу сказать: "Царство Небесное, Царство Справедливости и Бескорыстной Любви, близко, и Всякая Плоть увидит Спасение Божье". Я знаю и радуюсь тому, что сила, более могущественная, чем предрассудки и гнет веков, работает на земле ради искупления мира, сила христианской Истины и Добра. Оно сошло с Небес в лице Христа. Оно проявилось в его жизни и смерти. С его креста оно пошло вперед, побеждая и для того, чтобы побеждать. Его миссия - "проповедовать освобождение пленным и выпускать на свободу тех, кто связан". Он открыл двери многих тюрем. Ему предназначено разорвать все цепи. Я верю в его триумф. Я не отчаиваюсь.

Примечания.

ПРИМЕЧАНИЕ I.

Я хочу добавить несколько утверждений, чтобы показать, как мало можно полагаться на то, что поверхностному наблюдателю кажется смягчением или преимуществами рабства, и насколько безопаснее рассуждать, опираясь на опыт всех времен и принципы человеческой природы, чем на изолированные факты.

Однажды я проходил мимо цветной женщины, работавшей на плантации, которая, по-видимому, оживленно распевала, и чьи общие манеры позволили бы мне назвать ее самой счастливой из всей банды. Я сказал ей: "Ваша работа кажется вам приятной". Она ответила: "Нет, масса". Предположив, что она упомянула о чем-то особенно неприятном в своей непосредственной деятельности, я сказал ей: "Тогда скажите мне, какая часть вашей работы наиболее приятна". Она ответила с большим нажимом: "*Ничего* приятного в этом нет. Мы *вынуждены* были это сделать". Эти несколько слов позволили мне проникнуть в сердце рабыни. Я увидел под его кажущейся легкостью человеческое сердце.

На этой плантации самая любимая женщина, чья жизнь была самой легкой, искренне умоляла мою подругу купить ее и помочь ей заслужить свободу. Дочь этой женщины, очень юная, стала жертвой управляющего помещьем. Насколько эта причина повлияла на разгневанную мать, я так и не узнал.

Я слышал об поместье, которым управлял человек, считавшийся исключительно успешным и способный управлять рабами без использования кнута. Мне не терпелось увидеть его, и я верил, что было сделано какое-то открытие, благоприятное для человечества. Я спросил его, как ему удается обходиться без телесных наказаний. Он ответил мне с очень решительным видом: "Рабы знают, что работа *должна* быть выполнена, и что лучше выполнять ее без наказания, чем с ним". Другими словами, уверенность и страх наказания были настолько внушены им, что они никогда не подвергались ему.

Затем я обнаружил, что число рабов в этом хорошо управляемом поместье уменьшилось. Я поинтересовался причиной. Он ответил с совершенной откровенностью и непринужденностью: "Банда недостаточно велика для поместья". Другими словами, они не были равны работе на плантации и все же были вынуждены выполнять ее, хотя и с уверенностью в сокращении срока службы.

На этой плантации хижины были необычайно удобными. Здесь царила необычная атмосфера опрятности. Поверхностный наблюдатель назвал бы рабов счастливыми. Тем не менее, они жили в условиях суровой, подчиняющей дисциплины и были перегружены работой до такой степени, что укорачивали жизнь.

Я не могу забыть свои чувства при посещении больницы, принадлежащей плантации джентльмена, которого высоко ценили за его добродетели и чьи манеры и разговоры выражали большую доброжелательность и добросовестность. Когда мы с ним вошли в больницу, первым предметом, на который упал мой взгляд, была молодая женщина, очень больная, вероятно, близкая к смерти. Она лежала на полу. Ее голова покоилась на чем-то вроде подушки, но тело и конечности были вытянуты на жестких досках. Хозяин, я не сомневаюсь, был, по крайней мере, так же добр, как и я; но он так привык видеть рабов, живущих без обычных удобств, что мысль о недоброжелательности в данном случае не пришла ему в голову.

Самый сильный удар, который я когда-либо видел по рабу, был нанесен чернокожим погонщиком молодой девушке, которая, снимая с лошади вязанку дров, уронила палку, ударив

животное по ноге. При первой же возможности я возразил этому человеку против его бесчеловечности. Он сказал: "Масса, я позабочусь о лошади, и менеджер *вылизет меня*, если она поранится". Этот ответ объяснил мне распространенное замечание о том, что чернокожие водители более жестоки, чем белые. Я увидел, с чего *началась жестокость*.

Однажды я слышал, как несколько рабов, которых по закону забрали у их хозяина, пели песню собственного сочинения, и в конце каждой строфы они присоединялись жалобным тоном к припеву, суть которого заключалась в том, что "У нас нет Массы". Это казалось поразительным доказательством привязанности к хозяину; но, изучив остальную часть песни, я обнаружил, что это было сердитое повторение жестокостей, которым они подвергались со стороны нового суперинтенданта. Они хотели, чтобы их хозяин спасся от жестокости.

Факты такого рода, не производящие шума, ускользающие от случайного наблюдателя или вводящие его в заблуждение, помогают показать характер рабства больше, чем случайные проявления жестокости, хотя они должны быть частыми. Они показывают, насколько обманчивы связанные с этим видимости добра и как много можно выстрадать из-за проявления большого количества доброты. На самом деле, практически невозможно точно оценить зло рабства. Раб не пишет книг, а рабовладелец слишком привык к системе и слишком сильно заинтересован в ней, чтобы быть в состоянии понять ее. Возможно, законы рабовладельческих штатов - самые неопровержимые свидетельства, которые мы можем получить с этой стороны; и их варварство является решающим свидетельством против института, который требует таких средств для своей поддержки.

ПРИМЕЧАНИЕ II.

Я считаю правильным заявить, что мои взгляды на аболиционизм были основаны частично, возможно, главным образом, на свидетельствах других людей. Я не присутствовал ни на каких собраниях, посвященных отмене смертной казни, и никогда не слышал обращений об отмене смертной казни. Но сильное и близкое к всеобщему впечатление о тенденции действий этой партии воспламенять обычные умы, подтверждаемое тем, что я видел в их газетах, должно быть по существу правдой. Оратор, который в основном выступал на их собраниях и формировал общества, отличался горячностью и страстными инвективами. В одном случае есть убедительные доказательства того, что он высказался в пользу жестокой мести со стороны рабов. Это, по-видимому, противоречит тому, что я сказал о неуклонном насаждении аболиционистами снисходительности и непротивления. Но этот случай, если о нем правильно сообщили, был исключением, вспышкой неконтролируемой страсти у отдельного человека, за которую остальные ответственности не несли. Я счел своим долгом изложить, на каких доказательствах основаны мои взгляды на аболиционизм, чтобы другие могли лучше судить, какого доверия они заслуживают. Во времена большого волнения нелегко докопаться до точной истины.

ПРИМЕЧАНИЕ III.

Я намеревался обратиться к главе, посвященной Югу, но недостаток сил вынудил меня сделать паузу; а когда я подумал, что распространение моей книги в этой части страны может быть

преступлением, у меня не нашлось вдохновения продолжать. Я позволю себе, однако, заметить, что ничто из того, что я написал, не могло быть продиктовано недобрыми чувствами по отношению к Югу; ибо ни в одной другой части страны мои писания не находили более приятного приема; ни в одной другой части я не получал более сильных выражений сочувствия. К ним я, конечно, не отношусь бесчувственно. Мои собственные чувства, если бы я посоветовался с ними, заставили бы меня подавлять всякое выражение, которое могло бы причинить боль тем, от кого я не получил ничего, кроме доброжелательности.

Я хотел бы внушить рабовладельцам, что волнения, которые сейчас царят между ними, были несравненно более опасными, более пригодными для разжигания восстания, чем все усилия аболиционистов, позволяющие им быть настолько коррумпированными. Я также хотел напомнить принципиальным и влиятельным людям в этой части страны о необходимости положить конец незаконным процедурам в отношении граждан Севера. Мы слышали о крупных подписях на Юге за задержание некоторых аболиционистов в свободных Штатах и за их транспортировку в другие части страны, где их ожидала бы участь, которую, говорят, они заслуживают. Несомненно, респектабельная часть рабовладельческих сообществ не несет ответственности за эти меры. Но разве политика, а также принципы не требуют, чтобы такие люди постоянно не одобряли их? В настоящее время свободные Штаты симпатизируют Югу сильнее, чем когда-либо прежде. Но можно ли предположить, что они потерпят, чтобы их граждане были украдены, подвергнуты насилию и убиты другими штатами? Разве такое возмущение не побудило бы их чувствовать и действовать как один человек? Разве это не отождествило бы аболиционистов с нашими самыми священными правами? Один похищенный, убитый аболиционист сделал бы больше для насильственного уничтожения рабства, чем тысяча обществ. Его имя было бы причислено к лику святых. День его смерти был бы выделен для торжественного, волнующего душу поминовения. Его кровь будет кричать по земле волнующим голосом, проникнет в каждое жилище и найдет отклик в каждом сердце. Нужно ли говорить людям в свете сегодняшнего дня, что энтузиазм - это не пламя, которое можно погасить кровью? По этому поводу добрые и мудрые люди и друзья страны на Севере и Юге могут придерживаться только одного мнения; и если бы пресса, которая, к сожалению, хранила злое молчание среди нарушений закона и прав, высказалась прямо и решительно, опасность миновала.

После написания предыдущих глав я увидел в газете сообщение о собрании священников в одном из Южных штатов, на котором о рабстве говорили как о грехе. Если этот отчет верен, то свобода слова не везде отрицается в той степени, в какой я предполагал.

Я должен только добавить, что я один несу ответственность за то, что я сейчас написал. Я не представляю ни общество, ни группу людей, ни часть страны. Я написал это без чьего-либо подстрекательства и без чьего-либо поощрения, а исключительно исходя из своих собственных убеждений. Если кто-то оскорбил меня, я один должен это вынести.